

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА "НАВАЖДЕНИЕ ЛЮМАСА"

СКАРЛЕТТ ТОМАС

18+

ОГНИЩЕЯ
СЪЕДА
ИХ ВСЕХ

CoRpus

Annotation

Новый роман Скарлетт Томас – английской писательницы, снискавшей славу одного из лучших и самых оригинальных романистов современности, – это парадоксальная семейная сага, остроумная, увлекательная, с множеством граней смысла. Это роман о секретах ботаники и о загадочной связи между растениями и людьми, о сексе, о лабиринтах человеческого сознания, о волшебных книгах, об обретении вечной свободы ценой смерти. Роковые стручки с семенами, доставшиеся героям в наследство, обещают просветление. Но кто из них отважится шагнуть за пределы жизни и смерти?

Скарлетт Томас

Орхидея съела их всех

© Scarlett Thomas, 2015

© И. Филиппова, перевод на русский язык, 2017

© ООО “Издательство Аст”, 2017

Издательство CORPUS ®

* * *

Возложите на себя венки из плюща, возьмите тирсы в руки ваши и не удивляйтесь, если тигр и пантера, ласкаясь, прильнут к нашим коленям. Имейте только мужество стать теперь трагическими людьми: ибо вас ждет искупление.

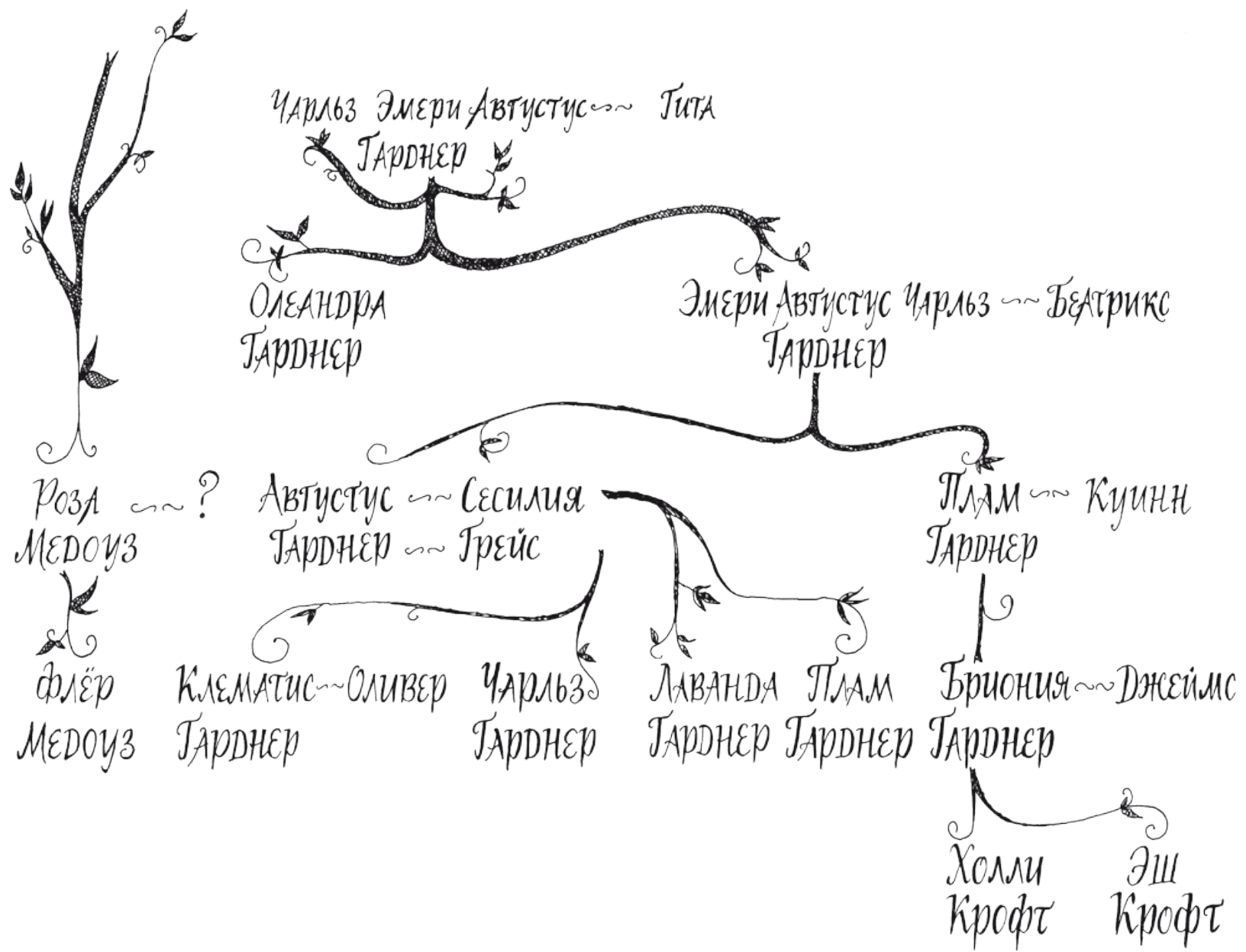
Фридрих Ницше^[1]

*Ах, Подсолнух! как ты изнемог, –
Все ты Солнца шаги сосчитал,
А тот край золотой все далек,
Где скиталец устроит привал;*

*Дева, в саване белых снегов,
Юность, канувшая без следа,
В том краю восстают из гробов, –
И Подсолнух стремится туда.*

Уильям Блейк^[2]

Семейное древо

Похороны

Представьте себе дерево, которое умеет ходить. Ну да, ходить, по-настоящему. Думаете, такого на свете не бывает? Ошибаетесь. Есть пальма под названием “шагающее дерево”. Ее корни похожи на дреды, и они не зарыты в землю, а стелются по поверхности. Когда пальма понимает, что простояла на одном месте уже достаточно долго, она спокойно выкорчевывает себя из земли и шагает прочь, как натерпевшаяся жена шагает прочь от мужа, и двигается тогда эта пальма медленно-медленно, со скоростью один метр в год. За то время, которое требуется ей, чтобы стремглав выбежать из комнаты, исчезают нации, люди умирают от старости, древние тайны перестают быть тайнами, а новорожденные младенцы вырастают и становятся кем-то из нас, и тогда мы...

Бриония^[3] с детьми ушла, а Флёр^[4] слушает радио. Ее подруга Клем Гарднер^[5] рассказывает в эфире о шагающем дереве – *Socratea exorrhiza* и о том, как непросто запечатлеть на пленке его перемещения. Потребовалось более десяти лет, чтобы снять, как дерево прошло пятнадцать метров: все это время оно стремилось выйти из тени лесопогрузочной базы, построенной поблизости. При ускоренном воспроизведении видно, что пальма отчаянно продвигается вперед, спотыкаясь и шатаясь, будто новорожденный или, наоборот, тот, кто вот-вот упадет замертво. А вообще шагающее дерево знает толк в путешествиях. Ему не нужно ни билетов, ни пересадок, оно не заполняет анкет и не дожидается визы. Не заталкивает в багажный отсек столько ручной клади, что та вываливается на головы других пассажиров. Оно просто знай себе шагает. Конечно, в документальной картине Клем “Пальма”, выдвинутой на премию “Оскар”, говорится о том, что собственный способ перемещения есть у большинства деревьев. Если они не ходят туда-сюда сами, то производят семена, которые переносят на новое место птицы, животные или мы, люди. И методы производства семян у иных растений просто удивительные. Талипотовая пальма (*Corypha umbraculifera*) живет больше ста лет и цветет только раз в жизни, но зато как! Ни одно другое растение на Земле не может тягаться с ней в пышности цветения, в этот единственный раз в жизни она покрывается миллионами цветов. Вот уж ничего не скажешь: забота о грядущем поколении. А еще на свете есть около двух тысяч четырехсот видов пальм, которые засыпают себя цветами буквально до смерти. Это называется гапаксантия...

– Вы хотите сказать, что они кончают жизнь самоубийством, производя слишком много цветов? – уточняет ведущая.

– Это довольно распространенное явление, – отвечает Клем. Голос у нее низкий, как будто доносится из-под воды. – Они тратят весь запас энергии на цветение – или, другими словами, на попытку самовоспроизводства, – и у них больше не остается сил ни на что другое. Корни изнашиваются и погибают.

– То есть это происходит не только ради красоты?

– На самом деле, в природе ничего не происходит только ради красоты, – говорит Клем.

Флёр допивает чай. Это ее собственный сбор: сушеные розовые бутоны, пассифлора, корица и мед. Замечательно расслабляет. С тех пор как Бриония и дети уехали, Флёр стала добавлять в чай еще и щепотку опиума, который выращивает у себя в саду. Она выглядывает из окна величественного старика-коттеджа, который Олеандра подарила ей на совершеннолетие, и подносит антикварную чашку к клюву зарянки по кличке Робин – птица

пережила семь последних зим только благодаря заботе Флёр. Робин склоняет голову вбок. Флёр не выходит из дома. Вот если бы она вышла поработать в саду, птице перепало бы блюдце живых червей или улиток. Но сегодня Флёр не станет садовничать. Придется зарядке обходиться сушеными фруктами, которые Флёр оставила в кормушке с вечера.

– Олеандра умерла, – говорит она Робину через стекло. – Да здравствует Олеандра. И делает большой глоток чая.

Робин понимает и затягивает самую старую и печальную из всех своих песен.

– Мама?

Бриония привыкла к этому слову настолько, что уже почти не слышит его.

– Мам?

– Подожди-ка, Холл.

– Ладно. Но мам, можно я быстренько?

– Холли^[6], я пытаюсь слушать Клем. Тебе бы тоже не помешало. Она все-таки твоя крестная.

– Знаю, знаю, и еще тысячеюродная тетка.

– Ничего не тысячеюродная, мы с ней двоюродные сестры!

– Можно было остаться у Флёр и послушать всем вместе.

– Да, но я думаю, Флёр хотелось побыть одной. К тому же нам все равно давно пора домой. Папа наверняка что-нибудь готовит на ужин. И уроки у тебя не сделаны.

Бриония делает радио громче, но Клем уже не слышно. Теперь рассказывают о каком-то парне, которого спасли где-то там, в Антарктическом Чили, что ли, Бриония не расслышала, Холли в этот момент как раз опять тянула свое “ма-ам!”. Формат радиопрограммы предполагает групповую дискуссию, но Бриония знает, что Клем, вероятнее всего, больше уже ничего не скажет. У нее еще в школе была такая привычка: произнесет одну умную вещь на уроке – и уплывает мыслями далеко-далеко, пока Бриония сидит и подчеркивает особо важные места в конспекте одним из трех своих флуоресцентных маркеров, а Флёр тренирует осознанность, тыкая себе в руку транспортиром. Иногда учитель биологии забывался и начинал говорить, как это грустно, что все три девочки так не похожи на своих матерей. Сказать по правде, в четырнадцать лет их матери – нежная красавица Грейс, отважная Плам^[7] и легендарная Роза – тоже учились скверно и интересовались только “Роллинг Стоунз”, но теперь это был ем поросло, ведь такая подробность плохо вписывается в историю о том, как три подружки прославились на весь мир своими достижениями в области ботаники. Ну, почти на весь мир. Или, точнее, прославились почти на весь мир не достижениями в области ботаники, а тем, что исчезли, разыскивая чудесное растение, которого, вероятно, и в природе никогда не существовало. А может, оно-то их всех и погубило.

– Мамочка? Я ведь дерево? Она сказала, что люди непохожи на деревья, но я ведь в каком-то смысле дерево, правда?

– Да, Эш^[8]. Ты в каком-то смысле дерево.

– Во всяком случае, я уж, скорее, дерево, чем, например, деревня.

Когда сына у тебя зовут Эш и ты живешь в деревне под названием Эш, сначала это даже забавляет. Учтите, существует не так уж и много ботанических имен для мальчиков, к тому же при желании сын всегда может сделать вид, что Эш – это сокращение от Эшли, если вдруг ему надоест эта растительная история. Муж Брионии, Джеймс, трепетно относился к старой

традиции семьи Гарднеров, и пришлось выбирать между Эшем и Роуэном^[9]. Эш с тех пор не раз говорил, что они могли с таким же успехом выбрать имя Александр^[10], Вильямс^[11] или Джек (сокращенно от Джекфрута^[12]), а Джеймс тогда заметил (это был, кажется, восьмой день рождения Эша или, может, седьмой): пускай, мол, Эш скажет “спасибо”, что его не назвали Пениоцереусом Полосатым, Лохом Узколистым, Эвкалиптом Манноносным или Клешной Омара, ведь все это, представьте себе, тоже растения.

Бриония и Джеймс понятия не имеют, в какие тупые разговоры приходится вступать Эшу чуть ли не каждый день, когда кто-нибудь в очередной раз спрашивает, почему его зовут Эш и живет он тоже в Эше, – можно подумать, он сам себя так назвал, в честь деревни. Когда получаешь имя в честь деда, или футболиста, или персонажа из кино, это еще куда ни шло. Но в честь деревни? Даже дети знают, что никого не называют в честь места жительства, если, конечно, ты не святой Августин, или какой-нибудь там святой Георгий, или святой Стефан – но и в таком случае ты сначала прославляешься, а уж потом люди называют в твою честь город. Вообще-то, когда вокруг никого нет, Эш потихоньку радуется, что его назвали именем дерева, обладающего магической силой. Но с ним редко такое случается, чтобы рядом никого не было. Он с ужасом ждет того времени, когда придется идти в среднюю школу в Сэндвиче или Кентербери – там все будут спрашивать, как его зовут и откуда он, и придется отвечать одинаково на оба вопроса, так что одноклассники наверняка примут его за недоразвитого. Он уже тренируется перед зеркалом: пожимает плечами и бросает небрежно: “Да так, из одной дурацкой деревни”, но получается пока не очень убедительно. Может, в доме случится пожар – в удачный момент, когда внутри не окажется ни людей, ни кошек (что вообще-то невероятно, поскольку в доме у Эша всегда кто-нибудь есть) – и им придется переехать?

– У Клем не такие вкусные пирожные, как у Флёр, – говорит Холли. – И одевается она жуть до чего странно. Но это, наверное, из-за того, что она снимает документальное кино и...

– А Флёр, по-твоему, не странно одевается?

– Нет. Флёр – классная. Она носит платья. И находит необычные сочетания в одежде.

Бриония вздыхает:

– Ну конечно, всем ведь известно, что платья делают людей классными.

– Что ты хочешь сказать этим своим тоном?

– Каким своим тоном?

– Иронизируешь, что ли?

– Ты-то откуда знаешь про иронию?

– Э-э... Из школы, наверное? Ну и вообще, мам, ты ведь сама носишь платья.

Это правда, носит. Только Флёр одевается так, как модели в модных журналах или худющие кинозвезды, с которыми она работает, а у Брионии одежда совсем как у Холли, только крой получше и цвета потемнее: платья джерси, просторные свитера с леггинсами, и все – из магазинов “Бэкстейдж”, “Масаи” или “Оска”. Раньше Бриония считала такие наряды привилегией толстяков. Нет, понятное дело: размер S и даже XS есть у одежды любого стиля, но любопытно все-таки, зачем худым людям носить вещи с расширенной талией и асимметричными складками. Почти все, что носит в последнее время Бриония, стирается в машинке при сорока градусах и не требует глажки. Бриония любит моду и стиль, а вот они ее – нет. Ей бы хотелось быть героиней Джейн Остин, а еще лучше – одной из своих бестолковых подружек, которые заботятся только о нарядах и отказываются выходить из

дома в дождь, но для такого поведения Бриония толстовата. В этом сезоне в моде цветастые ткани и контрастные сочетания. Если ты тощая семнадцатилетняя девчонка, почему бы не нацепить зеленую юбку с красной кофтой? Но в возрасте Брионии контрастами лучше не увлекаться, а то люди подумают, что у тебя дома нет зеркала. А если принять во внимание еще и габариты Брионии, то в одежде контрастных цветов она будет похожа на арт-объект, построенный по госзаказу.

– Мам?

– Дай мне послушать.

– Может, слушаешь потом повтор программы, когда будешь заполнять дневник диеты? – предложила Холли. – Ну мам!

– Подожди.

– Мам? Сколько калорий в пирожном?

– В каком пирожном?

– Ну вот как в тех, которые испекла Флёр.

– Она их сама испекла? Я думала, купила. Погоди, она ведь, кажется, говорила, что их прислала Скай Тернер?

– Нет, мам, она сказала, что как-то раз Скай Тернер прислала ей пирожные. Но те, от Скай Тернер, были какие-то необычные, брауни с низким содержанием углеводов или что-то такое. А сегодняшние она сама испекла. Со всякими там пряностями, на магазинное совсем не похоже. Ну так сколько там калорий?

– Тебе можно не беспокоиться о калориях.

– Я не беспокоюсь, мне просто интересно.

– Думаю, примерно двести. Пирожные были довольно маленькие.

– То есть за один день можно съесть, типа...

Бриония бросила взгляд в зеркало заднего вида: Эш закатил глаза и стал похож на картофелину.

– Эш, не говори “типа”, – отрезала она. – Говори “примерно” или “приблизительно”.

– Типа семь с половиной пирожных, – подытожил Эш. – Круто.

– Да, но только если за весь день ты не съешь больше ничего другого, – уточнила Бриония.

– Круто, – прошептал Эш с восторгом.

– Сладости – это для малышей, – фыркнула Холли.

На вечеринке все девчонки делали себе бутерброды из белого хлеба с огромными кусками масла и медом и еще сверху посыпали все это сахаром, и никто из взрослых им слова не сказал. Взрослые были слишком заняты: курили в дальней части сада и обсуждали вопрос, с кем бы они, скорее, переспали – с пожарным или с анестезиологом, и смотрели фотографии из отпуска на чьем-то телефоне. Теперь у Холли внутри все как будто склеилось. А при мысли о съеденном сливочном масле (желтой блестящей поносине) хочется стошнить.

– Мам, как ты думаешь, сколько пирожных Флёр обычно съедает за день? Ну, или за неделю? Штук десять, пятьдесят или, скорее, сто? А, мам?

– Ты че, больная? Ты когда-нибудь слышала, чтобы человек мог за день съесть сто пирожных?

– Мам?

– Что? Ой, да кто ее знает. Я думаю, она просто печет их сразу побольше, а ест не так уж и много. По-моему, они ей нравятся скорее на вид, чем на вкус.

– Мама? – опять нудит Холли. – Так вот почему Флёр такая худая? Потому что только смотрит на пирожные, но не ест их?

– Ну откуда я знаю! Может, у нее просто хорошая наследственность. Она всегда была худой.

Хорошая наследственность. Так значит, вот в чем дело? А может, еще в том, что Флёр не ест чипсы огромными экономичными упаковками, пока никто не видит? А может, она, в отличие от Джеймса и Брионии, не выливает полбутылки оливкового масла в кастрюлю “здорового” овощного супа и, не в пример Джеймсу, не добавляет по три банки кокосового молока (шестьсот калорий на банку) в карри, которое готовит на ужин? Может, она до сих пор увлекается отдельным питанием, как бабушка Брионии Беатрикс, та самая, которая всегда говорит только “кушать” и никогда – “есть” и уже три Рождества подряд дарит Брионии какую-то особенную кулинарную книгу с акцентом на правильном сочетании продуктов. Правильное сочетание – это когда белки едят отдельно от углеводов. Ну, то есть никакого сыра бри с хрустящим хлебом, никакой жареной курочки с картошкой. У Брионии от одной только мысли об этом разгорается страшный аппетит.

– Мам? А у меня хорошая наследственность?

– Смотря чего ты от нее ждешь, от этой наследственности.

Они уже проехали Дил и теперь мчатся по главной дороге в направлении Сэндвича. День выдался теплый и ясный. Весна теперь уж точно не за горами. Справа, где-то за распластанными полями и деревенским парком, построенном на старом отвале угольной шахты, тянется Ла-Манш с его воздушными турбинами, паромами и перелетными птицами. Слева – снова поля, утыканые пугалами. Вдали виднеются знакомые градирни старой электростанции в Ричборо, прижавшиеся друг к другу, будто три тетушки-толстушки, которые решили сделать перерыв на чай, да так и не вернулись к работе. Внезапно на поле слева Бриония видит какую-то штуку, зависшую над землей: она замерла над головами у пугал и не движется.

– Мам, чего ты останавливаешься? Ну-у-у!

– О боже. Мой. Мам, ну ты даже хуже папы!

Пока Бриония сворачивает на узкую дорожку, ведущую к ферме, дети размахивают руками и ногами, как будто попали в автокатастрофу.

– Смотрите, – тихо говорит она.

– Куда смотреть, мам?

Огромная хищная птица. Нависла над жертвой, такая прекрасная и... вот она, прямо здесь, у них перед носом. Бриония роется в голове, пытаясь вспомнить названия местных хищных птиц, о которых рассказывал ей Джеймс. Может, это какой-нибудь полевой лунь? Или болотный как его там? Пустельга? Нет, пустельга, наверное, водится только в Шотландии. Ничего, дома есть справочник. Может, они даже все вместе полистают его, когда вернутся.

– О, обязательно расскажем папе...

Бриония начинает вглядываться в черты птицы. И тут замечает проволоку, которая удерживает хищника в воздухе.

– Так на что смотреть-то? – переспрашивает Эш.

– Ни на что.

Бриония снова заводит двигатель. Вот дура. Как она умудрилась еще с дороги не разглядеть проволоки? Хищник – подделка, такая же, как и все эти пугала. Но даже скворцы

не купились на уловку, летают вокруг сотнями.

– Мам, ты что, думала, это настоящая птица?

Эш и Холли принимаются хихикать.

– Мам, ну ты совсем того!

Джеймс скажет то же самое, слово в слово.

– Ну, как поплавал?

– Дерьмово поплавал.

Клем ищет что-то в одном из кухонных ящиков. Они только что дослушали повтор ее программы на радио, и на кухне вдруг стало очень тихо. Олли не станет больше спрашивать про Олеандру. А если и спросит, то теперь уже не будет упоминать о наследстве, чтобы не сойти за последнюю скотину, как в прошлый раз.

– Что ты ищешь?

– Мою овощечистку.

Хотя они женаты, овощечистка у каждого своя, отдельная, как и абонемент в спортклуб и бассейн.

Олли пожимает плечами:

– Я не брал.

Клем вздыхает.

– Что на этот раз произошло в бассейне?

– На этот раз.

– Что?

– Ты так говоришь, будто я какой-то чокнутый, который даже в бассейне не может обойтись без происшествий и... Чего?!

– Ничего.

Клем нашла овощечистку – миниатюрный предмет из нержавеющей стали. Он выглядит так, будто того и гляди перережет тебе вены. У Олли овощечистка толковая, с резиновой рукояткой. Ножом Клем можно чистить овощи в любом направлении, размахивая им во все стороны, словно рапирой, и сражаясь с овощем до тех пор, пока к чертовой матери его не прикончишь. А нож Олли чистит вдумчиво и осторожно. Клем наносит первый смертельный удар своей жертве. Тыкве.

– И все-таки?

– Ну ладно. В общем, рассказываю: только закончилась тренировка и тут подходит автобус. Ну и – не смотри на меня так! – знаю, это недобро с моей стороны, но я был совершенно не в настроении ехать в одном автобусе с двадцатью – да, двадцатью!.. нет, я не собираюсь называть их дебилами или уродами, ясно?.. с двадцатью ребятами с “затруднениями в развитии”. Понятное дело, я всех их считаю прекрасными и замечательными, и я бы просто сдох, окажись я в их шкуре, но, послушай, за ними нужно лучше ухаживать! К этим типам приставлены воспитатели, но они не моют их перед тем, как запустить в бассейн. А он и без того мерзкий, ты сама знаешь. Например, тот пучок волос до сих пор там болтается. Уже целый ГОД! Да не смотри на меня так! И постарайся, пожалуйста, не перерезать себе вены этой шуковинкой. Думаешь, я сгущаю краски? Ладно. Хорошо. Сегодня среди них была настоящая горбатая женщина – И Я НИЧЕГО НЕ ИМЕЮ ПРОТИВ ЭТОГО, ЗАМЕТЬ! – но она, помимо всего прочего, была волосатая, вся, с ног до головы! Реально, просто йети! Горбатая женщина-йети – в одном бассейне со мной. Они все

наверняка милейшие люди, но вот лично мне было бы намного приятнее, если бы они мылись, прежде чем нырять в мой бассейн. А один из них не только не моется, но еще и плавает в таких широченных замшевых шортах, и у него в карманах, скорее всего, лежит куча вещей – например, грязные носовые платки, если он, конечно, когда-нибудь пользовался носовыми платками. И он все время торчит у глубокого конца бассейна и просто болтается там, как поплавоч, и ковыряется в носу, пока я пытаюсь плавать. И есть там еще один – огромный и черный – ДА, Я ЗНАЮ, ЧТО ЦВЕТ КОЖИ НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ, Я ПРОСТО ПЫТАЮСЬ СОЗДАТЬ ТЕБЕ ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ! – так вот, он плавает кролем с бешеной скоростью, да к тому же все время держит глаза закрытыми, а голову – опущенной в воду, и по пути подрезает детей и старушек, а женщина-йети стоит на своем мелком краю бассейна и мычит от ужаса. Нет, ну слушай, им что, трудно ее побрить?!

– Достань, пожалуйста, форму для пирога, ту, “Крёзе”.

Олли идет не к тому шкафчику и достает не ту форму.

– Нет, я просто понять не могу: это что, неэтично – побрить женщину-йети, если тебе поручили о ней заботиться?

– Я не буду отвечать на такие вопросы, – говорит Клем и ловит себя на том, что почти улыбается. – Ты ведь не брешься перед тем, как нырнуть в бассейн.

– Ха! Ты все-таки ответила! У нее ведь...

– А у тебя, между прочим, волосатая спина. Я просила другую форму.

– Ну, не такая уж и волосатая. И потом, я мужчина. Какую – другую?

– “Крёзе”.

– Я и слов таких не знаю.

– Знаешь.

– Нет. В отличие от тебя, я не держу в голове полный перечень всех наших буржуазных кухонных принадлежностей. Что это вообще значит – “Крёзе”?

– Слушай, не зли меня. Я имею в виду ту, с ручками.

– А, так бы и сказала, что имеешь в виду ту, которая раскаляется, как головешка.

Клем вздыхает. Олли достает нужную форму. И банку пива.

– Могли бы сделать ей эпиляцию. Не такая уж и серьезная травма для психики. Отвели бы ее в “Фам Натюрель”.

Так называется салон красоты, который открылся совсем недавно недалеко от их дома в Кентербери. Когда у Клем хорошее настроение, она иногда шутит, что зайдет туда и сделает себе бразильскую или даже голливудскую эпиляцию. Конечно, волосы у нее на лобке и без того безупречной формы – небольшой черный треугольник, по густоте напоминающий искусственный газон “астроторф” или... На “астроторфе” Олли спотыкается и решает больше не развивать эту мысль.

– “Йети Натюрель”, – говорит он.

– Фу, было уже почти смешно, а ты все испортил.

Дома Эш сразу устраивается на веранде с книгой о природе. Холли садится за свободный ноутбук и загружает в него диск – какой-то фильм с пометкой „15+” о стервозных школьницах, подарок дяди Чарли на прошлое Рождество. Бриония еще в машине подбросила ей эту идею – в основном для того, чтобы Холли перестала указывать ей на всех искусственных птиц, которые попадались им по пути. Дома, как обычно, пахнет выпекающимся хлебом, а еще – шоколадом. Видимо, Джеймс испек торт. Так много

пирожных и тортов за один день.

– Это еще что такое? – возмущается Джеймс, который только что вошел в дом из сада.

– Мам! – кричит Холли с веранды. – Скажи ему, что ты разрешила!

– Я разрешила.

Бриония целует Джеймса.

– Как ты? – спрашивает она.

– Прекрасно. Пеку.

– Это я поняла, пахнет вкусно. Чем-то таким, чего мне лучше бы не есть.

– Брауни со свеклой. Свекла – наша, из огорода!

Бриония не спрашивает, обязаны ли они этими брауни журналистскому заданию Джеймса. Он все время печет: хлеб – каждый день и что-нибудь сладкое два раза в неделю. Однажды испек “самый калорийный торт в Британии” по рецепту из какой-то бульварной газеты – с надеждой написать остроумную заметку о том, что его органические эко-дети не стали есть эту пакость, но они умяли торт за милую душу. Правда, Холли потом стошнило: вся комната была в коричнево-розовой рвоте. Бриония теперь уже не помнит, что было розовым в том торте. Вряд ли свекла. Наверное, варенье. Зачем же он извел свежую молодую свеклу на брауни? Можно ведь было просто ее запечь. Все любят печеную свеклу, и она так быстро запекается, пока молодая. Или хорошо было положить ее в салат.

– Да, детям полезно есть побольше овощей, – произносит Бриония вслух.

– Вот и я так подумал. И ты ведь тоже сможешь попробовать, правда?

Она подходит к холодильнику и достает бутылку белого совињона “Вилла Мария”, которую открыла накануне вечером. Осталось не больше трети, поэтому она достает еще одну бутылку и на всякий случай кладет в морозилку. Идет в другой конец кухни и выбирает себе в буфете бокал “Дартингтон кристл” без щербинок. На часах три минуты седьмого. Но утром время перевели на зимнее, так что в каком-то смысле сейчас только три минуты шестого.

– Тебе достать? – спрашивает она Джеймса.

– Нет, спасибо.

Он смотрит на часы.

– Как прошел день?

– Нормально. Эш так и не подходит к глубокому краю, когда включают волны, – с тех пор как на прошлой неделе что-то там произошло. На вечеринке было скучновато. Бедняга Флёр расклеилась, но не подает виду. А, и еще потом, на обратном пути от Флёр, Холли вспомнила, что забыла голубой шарф, и пришлось тащиться обратно в Дил. В общем, много мотались сегодня, ну и к тому же она переела сладкого. Естественно, торт на вечеринке и какие-то сладкие сэндвичи, отвратительные на вид, да еще пирожное у Флёр... Ну, хотя бы голодной не осталась. Правда, теперь вон чешется.

– Ага, и ты решила подсунуть ей дурацкий фильм в качестве лекарства?

А брауни со свеклой – лекарство? Но вслух Бриония этого не говорит.

– По крайней мере, так она некоторое время помолчит.

Бриония наливает себе вина. Когда делаешь первый глоток кисловатого белого совињона в прохладный день робкого начала весны – словно пробуешь на вкус поле студеных и трепетных цветов.

– Значит, говоришь, Флёр не очень?

– Ну, она, как обычно, ничего не говорит о том, что у нее на душе. Жаль, что она совсем

одна в этом огромном доме. Наверное, ужасно тяжело – вдруг оказаться в ответе за весь “Дом Намасте”, за всю терапию, йогу и что там у них еще. И все эти знаменитости, которые вечно там толкуются... Впрочем, я подозреваю, теперь все это хозяйство легко продать, только вот непонятно, что она тогда будет делать... Она больше ни в чем не смыслит. Коттедж, конечно, принадлежит Флёр, но тот, к кому перейдет главный дом, наверняка захочет договориться с ней, чтобы продавать дом вместе с коттеджем как один большой объект...

– Когда похороны?

– В следующий четверг. Пока она всех оповестит... Возможно, приедут люди из Индии, Пакистана, Америки...

Бриония идет к буфету и выбирает бутылку красного вина к ужину. Может, открыть сразу две? Нет, хватит одной. Но тогда, пожалуй, лучше подойдет темпранильо 15,5 %. Неделя предстоит непростая, не помешает подзарядиться чем-нибудь насыщенным и согревающим. Она принимается за поиски штопора, который никогда не оказывается там, где она видела его в последний раз. Отец много чему научил Брионию – например, тому, что бутылку красного следует открывать за час до употребления, а если вино больше пяти лет, тогда даже раньше, чем за час. У Брионии остались смутные воспоминания о вечерах, когда отец открывал по две бутылки за раз, и одну из них мать выпивала сама еще до ужина, и вид у нее при этом бывал какой-то вампирический, и в эти минуты казалось, будто она ждет чего-то, сама не зная чего. После ужина отец курил гашиш, а мать опорожняла вторую бутылку, и они говорили о том, не поехать ли снова на острова Тихого океана, чтобы продолжить исследование Затерянного племени, а Бриония тем временем читала Джейн Остин и мечтала, чтобы зазвонил телефон.

– Показать тебе одну штуку? – спрашивает Джеймс.

– Какую?

– Ну, иди посмотри.

Она вздыхает:

– Подожди, открою вино. И еще мне надо переобуться.

Бриония откупоривает бутылку, снимает ботинки и надевает пару грязных голубых кедров “Конверс”, которые не стала выбрасывать и оставила для работы в саду, – правда, в последнее время ей не до сада.

– Холли! Эш! – зовет Джеймс. – Не хотите взглянуть на мою работу?

– Они там так хорошо устроились, – говорит Бриония.

– А нам обязательно приходить? – кричит Холли.

Джеймс вздыхает.

– Нет, необязательно! – кричит он в ответ. – Но вы потом будете локти кусать, если этого не увидите!

Дети обуваются, и Джеймс ведет всех в дальний конец сада, чтобы показать кормушку для птиц, которую он сегодня сколотил – вероятно, в перерывах между откапыванием свеклы и выпеканием хлеба и брауни. Бриония не спрашивает, почему он сегодня не писал, и про котиков тоже ничего не говорит. Придется купить им колокольчики. Ну и потом, птицы все равно прилетают в сад, и коты их все равно убивают, но раньше-то ей не приходило в голову повесить им на шею колокольчики. И вдобавок есть ведь еще этот птичий грипп, правда, о нем давно ничего не слышно. Может, лучше просто похвалить Джеймсову кормушку? Она и в самом деле отлично там смотрится.

– Очень мило, – говорит Бриония и снова целует Джеймса. – Можно будет наблюдать за

птицами через кухонное окно. И как только ты ухитрился все успеть? И кормушка, и свекла, и брауни?

– Вы такие мерзкие, – говорит Холли с отвращением. – Когда вы наконец вырастаете и перестанете целоваться?

– Никогда, – отвечает Бриония. – Даже когда нам будет по сто, мы не перестанем целоваться.

– Поцелуйи еще куда ни шло, – говорит Джеймс и подмигивает Брионии. – Правда, Букашка?

– Фу! – кричит Холли. – Это еще отвратительнее. Я знаю, что ты имеешь в виду и о чем думаешь, когда вот так подмигиваешь маме! И когда называешь ее Букашкой!

Дети смываются обратно на веранду.

– Помнишь черноголовых щеглов? – спрашивает Джеймс.

– Господи, конечно, помню. Как такое забудешь.

В самом деле, как? Хотя, когда работаешь на полную ставку и к тому же заочно учишься, забываешь о многом. Но черноголовые щеглы были настоящим чудом. Прошлой осенью – наверное, перед самым Хэллоуином – они прилетели в сад, сразу десяток. Раньше черноголовые щеглы сюда никогда не залетали, поэтому их появление, и правда, было похоже на волшебство. И вид у них был классный: ярко-красные головки, крылья – вспышки чистого золота, черные шапочки – ни дать ни взять маленькие супергерои в масках и плащах. Джеймс тут же объявил их своим любимым видом птиц, а Холли сказала, что, на ее вкус, внешность у них чересчур “кричащая”, но и она в конце концов стала часами наблюдать за щеглами в бинокль, подаренный дядей Чарли. В тот день, когда щеглы только появились, Бриония зашла в зоомагазин и поболтала с продавщицей. Та порекомендовала ей семена подсолнечника и нигера, а также особую кормушку для семян нигера и специальную подвесную корзинку для семян подсолнечника, и Бриония все это купила. Это было так непохоже на маму – принести домой не одежду, не туфли и не вино или шоколад, а что-то совсем неожиданное! Но щеглам подарки явно пришлись по душе, и весь следующий день Бриония, Джеймс и дети безуспешно пытались сделать хотя бы один удачный снимок, но маленькие негодяи не желали сидеть на месте и...

Странные, медлительные птички укутывались в свои золотые плащи, натягивали на глаза красные маски и чуть ли не часами зависали над кормушкой с семенами нигера, словно это не кормушка, а птичий опиумный притон. На следующий день заявили еще десять. И потом три дня подряд – еще по столько же, пока сад не стал местом ежедневного сбора пяти десятков черноголовых щеглов. Все они медленно и сосредоточенно ели (на это уходило довольно много времени), иногда им становилось тесно, и кого-нибудь сталкивали с кормушки, но по большей части они просто щелк-щелк-щелкали семечками, как марионетки-супергерои, которых дергают за ниточки обкуренные кукловоды. Потом они все разом взмывали в воздух и принимались летать над деревней, юля и щебеча, и это напоминало звук перемотки старой пленочной кассеты. Так продолжалось с неделю, а затем щеглы исчезли. Все так же юля и щебеча, они двинулись через Ла-Манш стаей, состоявшей приблизительно из трехсот пятидесяти птиц, согласно сводкам Птичьей Обсерватории города Сэндвич.

– Хотелось бы достойно встретить их в этом году, если они вернуться.

– Они были такие красивые.

– Совсем как ты, – говорит Джеймс и гладит Брионию по щеке. – Солнце еще не село, и довольно тепло. Может, накинешь кофту и посидишь с вином здесь? Я принесу тебе шезлонг.

Джеймс все время старается выгнать жену на свежий воздух. Вдруг, если Бриония будет чаще дышать свежим воздухом, она станет больше похожа на неземную, безупречную Флёр, которая славится тем, что даже спит в саду, когда луна полная. Хотя вслух он, конечно, о таком даже не заикался. Он говорит, что Бриония красивая. Он говорит, что Бриония красивая, и тогда Бриония начинает надумывать себе разные ядовитые мысли вроде этой: что толку, если Джеймс сейчас вынесет шезлонг, ведь она будет сидеть в нем одна, пока он готовит ужин. Вот в чем суть его предложения. Хорошее это предложение или плохое? Не лучше ли было ей самой решить посидеть в саду и принести себе шезлонг? Джеймс однажды сказал ей, что она часто преувеличивает и наделяет его слова смыслом, которого в них и в помине нет. Бриония тогда рассмеялась и напомнила ему, что работает агентом по недвижимости, преувеличивать – часть ее профессии и теперь она ничего не может поделать с тем, что по привычке норовит описать стенной шкаф так, будто речь идет об отдельной комнате. Но он-то, конечно, имел в виду другое: что в жизни она склонна говорить о комнатах так, будто это – всего лишь стенные шкафы.

– Это тебе, случайно, не для колонки? – спрашивает Бриония.

– Что?

– Ну, не знаю. Самодельная кормушка в саду. Щеглы ведь прилетят не раньше октября или ноября. Если вообще прилетят. А пока они не прилетели, ты будешь писать о том, как весело наблюдать за кошками, которые притаскивают нам убитых птиц? И о том, что расхлебывать это приходится папе, потому что мама чересчур рассержена, или слишком громко визжит, или слишком поздно вернулась домой и все пропустила, или вообще уехала на конференцию.

Или же у нее похмелье, но этим пунктом в последнее время уже никого и не удивишь.

У Джеймса колонка на четвертой полосе глянцевого приложения самой продаваемой либеральной газеты, которая выходит по выходным. Колонка называется “Экологический папа”. А напротив – другая колонка, под заголовком “Городская мама”. Идея состоит в том, что Джеймс, в свое время известный автор публикаций о природе, а теперь прославившийся колонками в глянцевом приложении, пишет о жизни в загородном доме с двумя “свободными от городских предрассудков” детьми и женой, чей характер стремительно портится. Городская мама пишет о празднованиях дней рождения, на которые друзья приглашают ее детей и которые обходятся тем в десять тысяч фунтов, и задается вопросом, покупать ли своим отпрыскам обувь в “Кларксе”, как когда-то делали ее родители, или переключиться на “Праду”, где обувают детей ее самые обеспеченные друзья.

– Эй, Букашка, да ладно тебе! Что не так?

– Все так, извини. Я не...

– Вообще-то ты ведь и в самом деле ни разу в жизни не убирала за котами.

– Я убираю за ними, когда тебя нет дома. Это ужасно.

Бриония вздыхает и продолжает:

– Ладно, ерунда. Не хочу начинать. Прости меня. Я страшно устала, да и расстроена из-за Олеандры, и мне еще нужно столько прочитать к четвергу.

Бриония не только работает в риэлторском агентстве, но еще и изучает культуру восемнадцатого века на вечернем отделении магистратуры.

– Просто я беспокоюсь, что ты слишком много времени тратишь на эту колонку. Жаль,

если ты забросишь серьезную работу. Вот и все.

– Я знаю. – Джеймс мягко касается ее плеча. – Но нельзя ведь всегда заниматься только серьезной работой. Подожди, сейчас принесу шезлонг. На ужин у нас курица в зеленом карри по-тайски. Ну и, конечно, брауни на десерт. Посуду я сам вымою, а ты сядешь и все спокойно прочитаешь.

– Ну ладно, хватит о моей скучной жизни. Теперь ты расскажи о себе.

– Ну, – произносит Чарли, нахмурившись. – Не знаю даже, с чего начать.

Кому придет в голову отправиться на свидание вслепую вечером в воскресенье? Даже Сохо выглядит по-воскресному, будто весь день прощастал по дому в пижаме и ему ни до чего нет дела. Чарли смотрит на Ниолу, которая сидит напротив. Это чересчур модный и современный азиатский ресторан, Ниола наверняка заказала столик через интернет. Музыка невыносимо громкая. На Ниоле шелковое платье такого темного, винного цвета, что она немного похожа на больную проказой. У нее докторская степень по математике, и теперь она стажуется в Кингс-колледже. Дома Чарли ждет новая книга об орхидеях, ее принесли в ту самую минуту, когда он выходил из квартиры (нет, почту по воскресеньям не доставляют, просто два дня назад ее по ошибке бросили в ящик к соседу – мистеру Кью Джонсону). Эх, лучше бы он остался дома – сейчас сидел бы и читал новую книгу, с чашкой эспрессо, приготовленного его прекрасной кофемашиной “Фрачино”. Чарли даже чуть было не сказал Ниоле про книгу об орхидеях. И чуть было не сказал, что самая любопытная его черта и, честно говоря, самая важная (хотя ее, конечно, не поймешь с первого взгляда, особенно если так уж сложилось, что ты трахалась с ним с завязанными глазами), так вот, самое любопытное в нем – это то, что он любит наблюдать за дикими орхидеями, растущими в Британии. Если убрать пункт про завязанные глаза, эта фраза отлично подошла бы для первого свидания. А может, такое, наоборот, отпугивает? Повязка у нее на глазах наверняка была тоже шелковая, купила она ее, вероятнее всего, в “Либерти”, и нет никаких сомнений в том, что между использованиями она стирает ее вручную. Чарли решает промолчать. Вообще, поскорее бы все это кончилось.

– Я загляну в туалет, пока ты размышляешь, – говорит Ниола.

Она накидывает на плечи крошечную кофту, которая заканчивается сразу под мышками. Туфли у Ниолы – на высоченных каблуках. Здесь у всех женщин высоченные каблукы. Она наверняка уже была здесь – может, с бывшим парнем, а может, с однокурсниками, когда еще училась. Чарли вздыхает. Все это ему сегодня неинтересно. Он видит, как в ресторан заходит известный футболист, шутит со швейцаром и тот хлопает его по спине. Чарли берет телефон и читает сообщение от отца: тетушка Олеандра умерла. Эх, какая же... Господи, бедная Флёр. Чарли отправляет ей смс. Потом еще одно – своей двоюродной сестре Брионии, спрашивает, как там они все. Начинает сочинять послание сестре, Клем, чтобы одновременно выразить соболезнования по поводу Олеандры и поздравить ее с выступлением на радио. Но задача оказывается непосильной, и он решает отложить ее на потом, а пока переключается на “Май Фитнес Пэл”, вбивает туда углеводные граммы, которые неожиданно оказались в выбранной им закуске. Чарли поправляет волосы, оглядев себя на экране телефона с помощью селфи-камеры. Ему плевать, что подумает о его причёске Ниола, просто он часто поправляет волосы, когда никто на него не смотрит. Они у него неплохие. Он доволен. Особенно вот эта последняя стрижка, которая...

Ниола возвращается. Сквозь неопознанную ткань ее платья видны контуры трусов,

врезавшихся в кожу на заднице, в остальном вполне приличной. Чарли любит задницы покрупнее, но для крупной задницы, в идеале, нужна девушка постройнее. И как это ее саму не напрягает находиться на людях в таком виде? Стринги проблему не решили бы. Чарли ненавидит стринги. Но ведь в наше время производят такое количество бесшовного белья и...

– Итак, – говорит она.

Чарли убирает телефон. Приносят горячее. Он заказал палтуса с малазийским соусом чили, в котором наверняка полно сахара (здоровствуй, головная боль) и прогорклого растительного масла (здоровствуй, рак). Никола ест морского черта с китайской капустой и рисом жасмин. Чарли риса не ест.

– Ну, о том, что я работаю в садах Кью, ты уже знаешь.

– Это, наверное, так здорово! И вам можно сколько угодно ходить в оранжереи и зависать там?

– Теоретически да. Но никто этого не делает.

И библиотеками тоже никто не пользуется, чтобы случайно не наткнуться на увлеченного студента-этноботаника, которому вздумается поговорить о разных видах латекса (белой жижи, выделяющейся из некоторых растений, если сделать надрез) или уточнить, у какого листа – парнопериостого или непарнопериостого – есть верхушечная пластинка. Чарли всегда покупает книги по ботанике в специализированном магазине “Саммерфилд”, а еще на “Амазоне” или “Эйбе”^[13], тогда можно знать наверняка, что никто другой их не тронет, не испачкает и не попытается обсудить их с ним. Чарли сам часто чувствует себя не имеющей пары верхушечной пластинкой. Пластинкой довольно элегантно и принадлежащей очень редкому растению.

– Так чем именно ты занимаешься? Какие у тебя обязанности?

– Я занимаюсь родственными взаимоотношениями среди растений.

– Что это значит? – спрашивает она с улыбкой. – Я в растениях ничего не смыслю – только иногда слышу о них что-нибудь невнятное, когда Изи напьется и бормочет себе под нос. Рассказывает про мяту, травы и все такое. – Изи, она же доктор Изобель Стоун, – общий друг, которая и устроила им это свидание. Она – всемирно известный специалист по ясноткоцветковым: порядку двудольных растений, к которому относятся мята, полевые травы и все такое. Чарли впервые довелось поговорить с ней в чайной комнате примерно год назад, после случая с одним дилетантом и его довольно помятым гербарным экземпляром, который оказался всего-навсего *Lavandula augustifolia* – одним из самых обыкновенных растений в Великобритании, а может, и во всей Вселенной. Дилетант написал штук семнадцать писем о своем “таинственном экземпляре”, причем послания его с каждым разом становились все более оскорбительными, а под конец он и вовсе обозвал всех сотрудников садов Кью “слепыми и умственно отсталыми ублюдками”. С тех пор Чарли и Изи часто пили вместе утренний кофе и/или дневной чай. С Изи он никогда не смог бы переспать, зато представлял ее себе во время мастурбаций, если по сюжету дело происходило на работе. В четверг Изи дала ему адрес этого ресторана и номер телефона и таинственно приподняла бровь – Чарли даже подумал, что, пожалуй, он и смог бы переспать с кем-нибудь из коллег, но тут Изи уточнила, что ее подруга Никола будет ждать его по этому адресу в восемь часов вечера в воскресенье. Ситуация сложилась довольно неловкая, ведь Чарли успел сказать, что свободен, прежде чем узнал, с кем ему придется встретиться. И еще Изи упомянула, что Никола теперь постоянно говорит о нем, его “невероятном теле и прекрасных глазах” – с тех

пор как увидела его на фотографии, которую Изи выложила в Фейсбук. Конечно, отчаянные льстивые женщины вроде этой готовы буквально на *все*. И это ее отчасти оправдывает... но, с другой стороны, все это уже как-то чересчур...

– Кхм, – откашливается Чарли и принимается объяснять. – Представь себе, что ты отправилась в джунгли и обнаружила там растение, о котором ничего не знаешь. Ты отправляешь его в Кью для идентификации. И тогда я – или кто-нибудь еще из наших – определяю, к какому семейству относится этот экземпляр и в какое отделение, следовательно, его надлежит отправить для дальнейшего опознавания. Например, если листья у него слегка мохнатые и пахнут мятой, я отправляю растение к Изи. Ну, или к кому-нибудь еще из их команды.

– То есть к вам попадают таинственные растения?

– Да, постоянно. Но в большинстве случаев мы очень быстро раскрываем их тайну.

– Это так круто! – говорит она и подливает себе вина. – И что же такое ботаническая семья? В последний раз я изучала биологию в шестнадцать лет, когда готовилась к экзамену на аттестат зрелости. Растения для меня чересчур материальны.

– Это таксономическая категория. На ступень выше рода. Все растения делятся на царства, каждое царство подразделяется на типы, типы – на классы, а за ними идут порядок, семейство, род и вид. Ну, это если в двух словах описать структуру. Вот этот твой рис на латыни называется *Oryza sativa*, это его род и вид. Семейство риса – это *Poaceae*. Или попросту трава.

– Рис – это разновидность травы?

– Угу.

Она отхлебывает из бокала.

– А человек – это разновидность чего?

– Обезьян. Ну, человекообразных приматов. Семейство гоминидов.

– А, ну да. Точно. Я ведь знала. Это все знают. А вот эта капустная штука?

Она поднимает повыше вилку, подцепив на нее увядшие зеленые листья из своей тарелки.

Чарли хмурится.

– Ты хочешь, чтобы я идентифицировал весь твой обед?

– Нет. Извини! Я ступила. – Она смущенно улыбается. – Забудь.

– Вероятнее всего, это *Brassica rapa*. Китайская капуста. Из семейства *Brassicaceae*. Как и горчица.

– Получается, что капуста – это разновидность горчицы?

– Ну, они родственники, да. Их семейство называется капустные.

– А, то есть капуста – это разновидность капусты, – смеется она. – Ого! Класс! Ладно, следующий вопрос. Ты сам – откуда?

– Родом? Из Бата.

– О, обожаю Бат! Этот потрясающий желтый камень – как там он называется, не помню!

И туманы такие романтичные! А братья и сестры у тебя есть?

Чарли не хочет говорить ей, что желтый камень из Бата называется “камень из Бата”.

– У меня есть сестра. И еще двоюродная сестра, с которой мы очень близки. Ну, и еще есть две сестры по отцу, но я с ними редко вижу, потому что...

Честно говоря, он не знает, как закончить предложение. Сгодится и так. Вместо того чтобы объяснить, почему он редко видится с сестрами, Чарли смотрит на запястья Николы.

Пытается представить их связанными веревкой. Жесткой, грубой веревкой. Представляет, как из-под веревок проступает кровь. Совсем чуть-чуть. Пожалуй, даже не кровь, а так, просто намечается синяк. Два синяка. По одному на каждой руке. Чарли крепко прижимает ее связанные руки к матрасу и трахает. Или, может, она делает ему минет? Нет, все-таки он ее просто трахает. Она-то, понятное дело, согласилась бы на все это, но удивительно то, что на подобные вещи согласилось бы большинство женщин. По правде говоря, многие девушки переспали с Чарли только потому, что он предложил их связать. Ну, знаете, когда говоришь вроде бы в шутку, но все понимают, что это не вполне шутка. Но Никола, как ни крути, ему неинтересна – с веревкой, без веревки, вообще никак.

Повисает долгая пауза.

– Ух, а с тобой непросто, да? – говорит она и широко улыбается. – Не смотри на меня так серьезно. Мне хочется тебя подразнить. Как их зовут, твоих сестер?

– Клематис. Это моя родная сестра. Мы зовем ее Клем. Двоюродную сестру зовут Бриония. А сестер по отцу – Плам и Лаванда, но они еще совсем маленькие. Отец женился во второй раз, когда мать пропала без вести в научной экспедиции...

Никола никак не реагирует на слова о пропавшей без вести матери, Чарли находит это странным и рассказывает о семейной традиции давать детям – которые, возможно, с возрастом сменят знаменитую фамилию Гарднер на какую-нибудь другую, – ботанические имена. Правда, Клем, выйдя замуж за Олли, конечно, сохранила девичью фамилию. Потом Чарли рассказывает о своем прапрадедушке, Августусе Эмери Чарльзе Гарднере – знаменитом садоводе, и о прадедушке Чарльзе Эмери Августусе Гарднере, которого отправили в Индию руководить чайной плантацией, а он взял да влюбился в индианку и основал в Англии аюрведическую клинику и центр йоги, причем из всех возможных мест выбрал для этого город Сэндвич. А потом Чарли рассказал о дедушке, Августусе Эмери Чарльзе Гарднере, который...

– Не угодно ли выбрать десерт?

Никола немедленно отвлекается на официанта, и Чарли понимает, что утомил ее своими историями. Вот и хорошо. Наверное, теперь она уйдет, и дело с концом. Он съел уже достаточно всего (особенно углеводов), но, поддавшись на уговоры, соглашается разделить с Николой тарелку экзотических фруктов. Съест пару ломтиков киви или чего-нибудь такого. В ответ он настаивает на том, чтобы заказать для Николы бокал десертного вина. Ему нравится смотреть, как девушки пьют десертное вино, и он никогда не задумывался о причинах этого своего интереса, которые, возможно, встревожили бы его. Себе он берет двойной эспрессо, хотя и понятно, что дома он приготовил бы кофе куда лучше.

– И все-таки почему ты отправился на свидание вслепую? – спрашивает Никола.

Чарли пожимает плечами. Ну что ж, раз ей неинтересно слушать про его семью, она ничего не узнает о его двоюродной бабке Олеандре, которая только что умерла, а в молодости была прославленным гуру и общалась с “Битлами”. И о матери Чарльза она тоже ничего не узнает – его мать не просто пропала без вести, но считается погибшей, вместе с обоими родителями Брионии и с кошмарной матерью Флёр. И о стручках со смертоносными семенами, на поиски которых они отправились далеко-далеко в Тихий океан, на остров под названием, честное слово, Затерянный остров. И Никола даже не сознает, сколько потеряла, ведь это поистине увлекательная история, с кучей ботаники и всего такого. Впрочем, девушек вроде Николы интересует только число женщин, с которыми ты переспал, какая у тебя любимая группа и сколько детей ты хотел бы иметь.

– Не знаю, – отвечает он. – А ты?

– Ну, Изи вроде как пожалела меня, потому что от меня ушел парень.

– Сочувствую.

– А у тебя что случилось? В смысле... ты когда...?

– Я развелся почти десять лет назад.

– А у меня всего месяц прошел.

– Переживаешь?

Она пожимает плечами.

– Мы были вместе всего три года.

– Понятно, но я имею в виду... тебе, в смысле, ты его...?

– Любила ли я его? Да. Да, любила. А ты?

– Думаю, да, я тоже любил. Только другую, не жену.

Никола умолкает. Отпивает глоток из бокала. Облизывает палец, окунает его в солонку на столе и отправляет палец обратно в рот. Какого черта она...

– Кого же ты трахал вместо жены?

Член Чарли слегка вздрагивает, когда слово “трахал” слетает с ее полных, накрашенных красной помадой губ, которые, пожалуй, можно даже назвать роскошными. Она заново подкрасила их, пока была в туалете. Чарли нравится, когда девушки заботятся о таких вещах.

– Так сразу не расскажешь.

Она вздыхает.

– Ясно.

– А ты?

– Что – я? Трахалась ли я с кем-нибудь еще?

Она снова делает едва заметный упор на слове “трахалась”. И тут же ответ: еще одно небольшое шевеление.

– Да.

Она улыбается.

– Не могу тебе рассказать. Я тебя едва знаю.

Брови. Улыбка.

– Можно это исправить.

– Правда? Как?

– Выбраться на пожарную лестницу и снять с тебя трусы.

Она замирает, потрясенная, хотя на самом деле наверняка ничуть не удивлена. Смеется.

– Что??

– Думаешь, я шучу?

– Не знаю... Э-м-м... Обычно мужчины не...

– А что, если не шучу?

– Мы могли бы найти место поудобнее, чем...

– Но ведь чем неудобнее, тем острее ощущения.

– Ну...

Он смотрит на дверь. На часы.

– Нет, конечно, если у тебя были другие планы...

– Сними с меня трусы, – произносит она с игривым видом, так что дело еще может обернуться шуткой. – Ну хорошо. Итак, я стою на пожарной лестнице на жутком холоде, без трусов. А потом что?

- Потом ты заталкиваешь их себе в рот.
- Ну уж нет.
- Почему?
- Зачем мне заталкивать себе в рот трусы?
- Чтобы никого не тревожить, когда начнешь стонать от удовольствия. Или от боли.
- Это глупо. Я не могу...
- Ну, тогда просто сними их. Я расплачусь и через секунду приду.
- А вдруг ты удержишься?
- Нет.

Она слегка краснеет и встает из-за стола.

- Хорошо. Но ты смотри, приходи поскорее. Поверить не могу...

Это что, всегда так просто? Да, но только тогда, когда тебе, в общем-то, все равно.

Выйдя чуть погодя из ресторана, Чарли едет на своем зеленом “Эм-Джи” обратно в Хэгни. Дом находится рядом с Мэйр-стрит в длинном ряду викторианских громад разной степени изношенности и на разной стадии ремонта. Чарли и его бывшая жена Чарлин (вначале было так весело: “Меня зовут Чарли”. – “Ну надо же, меня – тоже!”, а потом одинаковые имена сильно усложнили им жизнь; супруги начали по ошибке распечатывать письма друг друга, и среди них оказалось То Самое Письмо от Брионии) разделили выручку от продажи квартиры в Хайгейте в таком необычном соотношении, что никто, кроме их адвокатов, ничего не мог понять, и суммы, доставшейся в итоге бывшему супругу, едва хватило бы на первый взнос за квартиру в Хэгни. Чарли прикинул, что, если не просить денег у отца, жить в Лондоне ему не по карману и единственный выход – это выкупить старое студенческое общежитие, привести его в порядок и сдавать там комнаты. Он взял две недели отпуска, покрасил стены и побелил потолки во всех восьми комнатах, а тем временем его товарищ с другом, у которого оказался собственный шлифовочный аппарат, за сотню фунтов отциклевали в общежитии полы. В результате Чарли живет с двумя студентами-художниками, модным блоггером и джазовым музыкантом. Есть, однако, проблема: прежний владелец дома, мистер Кью Джонсон, живущий теперь по соседству, настаивает на том, чтобы Чарли держал на всех подоконниках чеснок для отпугивания злых духов, и навещает его каждые несколько дней, желая убедиться, что чеснок по-прежнему на месте. А еще у лейбористской партии, журнала “Инвалидность”, фирмы “Сага”, магазина “Спин” и других учреждений остался его старый адрес, и почту, предназначенную Чарли, часто доставляют его бывшей жене. А еще досаднее то, что нередко корреспонденцию Чарли безо всякой причины приносят мистеру Кью Джонсону, хотя на конвертах всегда четко выведен номер: 56.

Когда Чарли возвращается домой, местная группа, как обычно, репетирует в подвале. Он смотрит серию “Сладкой жизни” по “Би-би-си 2”, потом заваривает себе чай из свежей мяты и забирается с чашкой в постель. Надо было оставить Николу на балконе без трусов. Повеселил бы Брионию в следующие выходные. Но, в основном из уважения к Изи, он галантно вышел на лестницу, затолкал трусы Николы ей в рот и трахнул ее. К тому времени она уже едва держалась на ногах, и он успел наполовину воткнуть член ей в задницу, прежде чем она поняла, что происходит. Но и тут, опять ради Изи, он повел себя крайне тактично и благовоспитанно вынул член и воткнул его заново – на этот раз во влагалище. И он не понял, почему теперь ему пришло сообщение от Изи со словами: “Как ты мог???” Он послал ей ответ: “А поточнее?” – но она больше не написала.

Организовать поминки – это целая история. Флёр понятия не имеет, кто вообще явится на похороны. Но после кладбища всех нужно пригласить на обед в “Дом Намасте”. Конечно же, всех без исключения. Только ведь может собраться десять человек, а может и сто. Как узнать заранее, кто точно приедет? Если уж даже Августус и Беатрикс обещали, значит и от остальных жди чего угодно. За все эти годы Олеандра перекроила жизни многих людей. Но ведь кто-то из них уже наверняка умер: умер, возродился в новом теле и живет по второму или третьему кругу. А нельзя ли связаться с кем-то, кто раньше... Флёр качает головой. Глупость. Организовать поминки – это такая сложная история, что Флёр поливает все цветы в “Доме Намасте” уже во второй раз за сегодняшний день. Они с Олеандрой делали это вместе каждый вечер. И сейчас, обходя с лейкой горшки с растениями, Флёр чувствует себя так, будто она сама и есть Олеандра, а ведь, согласитесь, нет причины тосковать по кому-то, в кого ты сам превратился и...

Оранжерея примыкает к западному крылу дома. В это время суток она окрашена пастельными оттенками заката и слегка подсвечена луной. Флёр с юных лет ухаживает за здешними орхидеями. Некоторые цветы растут под ее присмотром уже двадцать лет, но есть тут и образцы гораздо старше. С отчаянием умирающих от жажды они протягивают к ней свои корни, но все это – сплошное притворство, орхидеи прекрасно знают: Флёр в курсе того, как часто и насколько обильно их нужно поить. Флёр поливает ладанное дерево, растущее в центре комнаты, по давней привычке касается его коры, и ладонь тут же впитывает горячие и влажные запахи далеких краев. Днем в оранжерею приходят знаменитости – отдышаться, насытиться воздухом, который напоен ароматами экзотических растений, полюбоваться через окна на фруктовый сад с его мудрыми деревьями-стариками. В оранжерее просторно, но знаменитости всегда приходят по очереди. Если одна знаменитость обнаружит, что другая успела опередить ее и заняла оранжерею, то она (а точнее, чаще всего “он”, потому что большинство обитателей “Намасте” – мужчины) не станет нарушать уединенного покоя этой другой знаменитости и отправится в восточное крыло дома, где можно расположиться в прохладном зале “Инь” с мятным фонтаном, в жаркой комнатухе “Ян” или в “Обители дош” – уютной нише с черными бархатными подушками, набитыми пухом и сушеными розами.

Кто-нибудь из новичков нет-нет да и пожалуется на смешение в доме разношерстных духовных традиций. Кетки делает аюрведические массажи. Иш, муж Кетки, проводит консультации и по аюрведе, и по макробиотическим диетам, а кроме того, он специалист по акупунктуре и черепной остеопатии. Еда в основном индийская, иногда – аюрведическая, а готовит ее старенькая тетка Кетки по имени Блюбелл. Ее конек – кулфи, индийское мороженое из сгущенного молока, с шафраном и кардамоном, причем она часто придает ему форму далеков^[14]. Да и все остальное тут – гремучая смесь буддизма, даосизма, христианства, индуизма, викканства и Бог знает чего еще. Олеандра славилась тем, что верила “во всё”. Вдоль лестницы западного крыла на стене висит гобелен глубоко религиозного содержания, но никто не может определить, какую религию он символизирует. Даже Пророк, у которого глаз наметан на такие вещи, не понимает, о чем тут речь.

Еще раз заглянув на второй этаж, Флёр спускается по лестнице восточного крыла – так она избежит встречи не только с гобеленом, но и с Белой Дамой, которая часто появляется тут по воскресеньям или после чьего-нибудь ухода “в лучший мир”, – и пересекает библиотеку, где обитают огромные спатириллы и каучуконосные фикусы и стоит

смолистый, похожий на табачный, запах старых кожаных переплетов. Но Кетки нигде нет, и куда она только запропастилась? Флёр опять заглядывает в оранжерею, потом – на кухню, где отчетливо пахнет пажитником, кориандром и, конечно же, бессмертником, и поливает все их уже в третий раз за сегодняшний день. Повсюду плотно закрытые банки с лущеным желтым машем, красной, коричневой и зеленой чечевицей, четырьмя видами риса, цельным овсом, изюмом и кокосовой стружкой. Силиконовые формы далеков – на месте, но Блюбелл как сквозь землю провалилась. Недопитая чашка чая с бергамотом – на столе, но Кетки и след простыл.

Совести у них нет! В конце концов, нужно еще столько всего спланировать. Кетки обещала наготовить карри для поминок, если Флёр возьмется ей подсобить. Она даже грозилась вызвать из Лондона обеих своих дочерей, те на денек отпросятся с работы и приедут помочь с готовкой. Флёр, честно говоря, на это не больно рассчитывала. Да и сама она в день похорон будет страшно занята, так что... Она тяжело вздыхает. Поднимается на третий этаж, где вдоль коридора тянется длинный ряд гостевых комнат. В комнатах до сих пор висят старинные колокольчики для вызова прислуги, которые Флёр несколько лет назад привела в рабочее состояние. Оттуда она идет на четвертый этаж, где, по задумке архитектора, располагались комнаты прислуги, – “прислуга” и теперь живет там, и иногда посреди ночи звякает колокольчик, если кто-нибудь из знаменитостей перебрал с травяными снадобьями, или достиг просветления, или захотел чашку горячего шоколада. Теперь-то тут, понятное дело, только Кетки, Иш и Блюбелл, но было время, когда и Флёр с матерью ютились в тесных комнатенках в северном конце коридора прислуги. И Бриония, кстати, почти год после исчезновения своих родителей жила в одной из бывших комнат прислуги, пока родители Джеймса не взяли ее к себе. Дочери Кетки, которых Олеандра ухитрилась выволочь из какой-то дыры в Пенджабе, где их неминуемо ждало похищение, изнасилование и принудительное замужество (вы только представьте себе, за мусульманами!), тоже выросли в этом доме. Здесь, в южном конце четвертого этажа, спустя несколько лет к ним присоединился их двоюродный брат Пи, которого тоже спасли, но только совсем от другой опасности.

Никому, конечно, и в голову не пришло позвать Пи готовить карри. Он съехал из своей крошечной комнатки в “Доме Намасте” много лет назад и теперь стал знаменитым писателем, живет в Лондоне. Его старшую дочь тоже вряд ли кто-нибудь решился бы отвлечь от съемок для журнала “Вог” ради стряпни к поминкам. Жена Пи сюда вообще не заглядывает, так что ее кандидатура даже не обсуждалась. Но вот почему бы не попросить Клем, Чарли и Брионию (кровных родственников Олеандры, которые, вероятнее всего, и унаследуют все ее имущество) приехать и помочь с готовкой карри? Пророк, насколько известно Флёр, ни разу в жизни не переступал порога кухни, но ведь в экстренной-то ситуации он, наверное, выручит? Впрочем, есть на свете вещи незыблемые. Проведи ты хоть полжизни в компании просветленных людей, в доме, где от просветления деваться некуда и оно обступает тебя со всех сторон... *Да заткнись ты, ради Бога.* Флёр закрывает глаза. Просветление – это так трудно и утомительно, она вообще не уверена, что сможет достичь его в этой жизни, но вот немного успокоить ум, пожалуй, можно хотя бы попробовать. Как обычно, когда Флёр пытается притормозить мысли, ее эго надувается от обиды и на долю секунды наступают тишина и покой, но потом все начинается по новой.

Она наконец обнаруживает Кетки – та аккуратно складывает полотенца в процедурной комнате номер три. Можно подумать, Кетки нарочно от нее пряталась.

– Мы еще успеем заказать готовую еду для поминок, – говорит Флёр. – Деньги у нас есть.

Что правда, то правда. Пророк по-прежнему рассылает повсюду эти свои посылки. А еще спасают грандиозные идеи Флёр, которые гигантскими тучами кружат, кружат надо всеми, пока в один прекрасный момент вдруг – раз! – не разольются настоящим ливнем. Денег – вдоволь. Даже появление налоговой инспекции несколько лет назад никак не помешало делу. Тем более что один из инспекторов уехал из “Намасте” с собственной мантрой, медальоном инь-ян, бритой головой и любовью к нугу.

– Это для Олеандры, – говорит Кетки. – Она была бы довольна, если бы...

– Она была бы довольна, если бы ты могла спокойно сесть за стол и без суеты и тревог помянуть ее. Мы понятия не имеем, сколько народу приедет. Ведь еще и пресса зайвится. Ну, в дом они, конечно, не станут заходить, но все равно тревог и хлопот из-за них прибавится. Ты же их знаешь. Надо быть ко всему готовым. Ведь сам Пол Маккартни может приехать! Нет, ну он-то, скорее всего, не приедет, но...

– Пол Маккартни, ага.

Кетки качает головой, будто маятником, и сдерживает улыбку. Они с семьей приехали в “Дом Намасте” вскоре после того, как там побывал на двухнедельном йога-ретрите Джордж Харрисон. По крайней мере, об этом писали тогда в желтых газетах. Писали, что Харрисон якобы две недели занимался йогой и медитацией с Олеандрой и какой-то прославленной колдуньей, которую Флёр почти не помнит и которая жила в комнатах с окнами на оранжерею – теперь в них живет Пророк. Флёр смутно припоминает гитары, дым и масло пачули – впрочем, этого в ее детстве хватало и до колдуньи, особенно пока не исчезла мама. А до маминого исчезновения здесь бывали микшерские пульта и диджеи. Флёр помнит, как колдунья вырастила из семечка редчайшее, непостижимое ладанное дерево. Она заговорила его – ну, по крайней мере, так она тогда сказала. Если дом продадут, что случится с ладанным деревом? Ведь никто другой не знает, как за ним ухаживать. Возможно, его приютил бы ботанический сад, но перенесет ли дерево переезд? Надо будет узнать у Чарли.

– Ну так что же? – спрашивает Кетки.

– После поминок часть гостей задержится, посидим у меня в коттедже.

– Это кто же?

– Ну, Клем, Бриония, Чарли, если он приедет. Пи. В общем, все, кто захочет засидеться допоздна и поболтать. Я сама приготовлю ужин, чтобы не беспокоить вас с Ишем и Блюбелл.

Кетки знает, что “поболтать” означает хорошенько набратся, а “засидеться допоздна” – принять наркотики и заняться сексом. Она читала романы своего племянника. И знает, чем Флёр занимается в коттедже. Она оставляет полотенца и поворачивается к Флёр лицом.

В комнате пахнет массажными маслами Кетки. Долгое время она сама готовила эфирные масла из цветов здешнего сада и выращивала календулу для косметических масок. Было время, когда Флёр помогала ей, училась готовить аюрведические лекарства из растений, массажные масла и бальзамы. Они вместе растирали в порошок древесину сандалового дерева и палочки корицы, размалывали в муку нут, хотя Блюбелл и требовала, чтобы они пользовались уже готовой мукой, но им она казалась комковатой. Они выращивали шиповник, алтей и ромашку. В одном из парников росла даже куркума. Ну а теперь Флёр всем здесь заправляет и настаивает на том, чтобы большую часть масел и сушеных растений присылали по почте, хотя она до сих пор позволяет Кетки самой сушить розовые бутоны, лаванду и розмарин. Единственное растение, которое Флёр сейчас

выращивает ради урожая, – маки, из них она добывает опиум и... да, об этом Кетки тоже знает.

– Думаю, Джеймс тоже приедет, – говорит Флёр. – Он наверняка поможет. Он прекрасно готовит.

– Кто такой Джеймс?

– Ну, ты его знаешь. Джеймс Крофт. Муж Бриони.

Джеймс – один из тех мужчин, с которыми, по мнению Кетки, Флёр состоит в тайных отношениях.

– С чем же он поможет?

– С карри для поминок, если ты все-таки намерена возиться с готовкой.

– Ну, по-моему, готовить нужно.

Олеандра всегда говорила, что словом “нужно” вообще не нужно пользоваться. И смеялась до тех пор, пока собеседник не замечал парадокса в ее фразе.

– Ладно, – говорит Флёр. – А я тогда сварю большую кастрюлю супа.

– Думаю, лучше всего чечевичного, – подхватывает Кетки. – И испеки несколько морковных пирогов.

Она снова качает головой из стороны в сторону, и это означает, что вопрос решен.

Выходя из кухни, Флёр думает проведать Олеандру, но спохватывается и вспоминает, что Олеандры больше нет. Флёр вздыхает. В зоне медитации она встречает мужа Кетки – Иша, он читает “Обзервер”. Флёр смотрит на него без особой надежды поймать его взгляд, но Иш так и не отрывает глаз от газеты. В последнее время он стал плоховато слышать и, возможно, вообще не догадывается, что она здесь. Потом он все-таки поднимает голову и замечает ее.

– Ты уж с ней помягче, – говорит Иш. – Она потеряла самого старого друга.

– Знаю, – кивает Флёр.

Флёр не добавляет, что сама она потеряла уже почти всех своих друзей, а в скором времени, вероятно, потеряет все, что имела. Вот о чем кричит ее эго, взбаламученное размышлениями. Оно кричит: “А как же я? Разве мои потери не в счет?” А еще оно кричит: “Чечевичный суп и морковный пирог?” Да ведь все это они готовят для ретритов. Это они готовят для спа-уикендов. Это они готовят *всегда*, хотя в последнее время почти все гости “Намасте” требуют низкоуглеводные блюда, и почти никто теперь не ест бобовые по собственной воле – кроме Мадонны и Гвинет Пэлтроу. Ну и вообще, Олеандра ведь умерла. Она умерла. Неужели нельзя *хотя бы на этот раз* приготовить что-нибудь другое? Неужели нельзя подать... (даже эго иногда требуется передохнуть и собраться с мыслями, хотя часто оно это делает, просто чтобы набить себе цену) коктейли и канапе? Нет. Конечно же, нет. Ну ничего, Флёр подаст коктейли и канапе под конец, в коттедже. Она приготовит баклажаны с домашним паниром^[15], завернутые в маковые листья и замысловато приправленные ее собственной смесью специй. А еще она сделает пряную корму из фисташек с рассыпчатым белым рисом и на десерт подаст маленькие вазочки с муссом из горького шоколада и перепелиных яиц. В коттедже они проводят Олеандру по высшему классу, что бы там ни вздумалось Кетки затевать в доме. Флёр велит эго заткнуться. Конечно. Но следует признать, меню у него получилось замечательное. И будет, в самом деле, не так уж плохо, если в коттедже гостей накормят иначе, чем в доме. Не так уж плохо, если ей будет чем порадовать безглютеновых и низкоуглеводных людей вроде Скай Тернер (если она придет) и Чарли (если он придет). Флёр сделает еще и домашние шоколадные конфеты. Сливочные с розовыми лепестками и трюфели с шиповником.

Вернувшись в коттедж, она приступает к составлению списка гостей и вспоминает, как Олеандра в последнее время часто говорила о том, что на уровне формы ничего не имеет значения. На этом свете можно делать все, что угодно. Поступки никак не влияют на просветление. Это хорошо, учитывая все, что сделала в жизни Флёр. Пускай пока просветление ей не грозит, но это ведь не навсегда.

Утром в понедельник Клем слышит стук в дверь. Это Зоэ.

– Привет! – говорит Зоэ. – Ты занята?

– Вот бы университетский сервер снова взорвался, – говорит Клем. – Или что там с ним произошло в прошлый раз, когда пропали все мои письма? Заходи.

Зоэ проходит в комнату, но не садится. Она очень высокая и всегда собирает свои светлые волосы в конский хвост на самой макушке – любая другая женщина с такой прической была бы похожа на девочку лет восьми, а то и меньше. Сегодня на Зоэ рваные джинсы, дешевые розовые шлепанцы (хотя на дворе всего тринадцать градусов) и выцветшая желтая футболка с надписью “*Sonic Youth*”. Она носит в носу кольцо и красится только по особым случаям, когда нужно выглядеть по-светски. Недавно, например, собираясь на собеседование, Зоэ подвела черным карандашом верхние веки, а еще воспользовалась ярко-красной губной помадой и духами со странным, дурманящим запахом – так бы пах, наверное, пакетик конфет, слишком долго пролежавший в мужской раздевалке. Зоэ преподает сценарное мастерство.

– Я опять на семинар по развитию персонала, – говорит Зоэ. – Стащить для тебя джемми-доджеров^[16]?

– Что на этот раз будете развивать?

– Чувство собственного достоинства на рабочем месте.

– Какое же может быть собственное достоинство, когда сидишь на рабочем месте?

– Вот именно. Обязательно задам этот вопрос.

Клем лениво потягивается и медленно разворачивает кресло прочь от компьютера.

– Господи, – произносит она. – Я задыхаюсь от своей семейки.

– В каком смысле?

– Ладно, ерунда. Не бери в голову.

Она улыбается и трясет головой так энергично, словно хочет вытряхнуть воду из ушей.

– Просто мысли вслух.

– Нет уж, продолжай, – настаивает Зоэ. – Мне всегда интересно послушать про твою семью.

– Ох, ну ладно. Так вот, умерла моя двоюродная бабка – нет-нет, ничего страшного, я едва знала ее. Это та самая бабка, которая взяла к себе мою двоюродную сестру и мою лучшую подругу, когда наши мамы пропали без вести – ты ведь в курсе, да? Ну и еще она тусовалась с “Битлами” и все такое... Не помню, рассказывала я тебе? В общем, моя бабушка Беатрикс, которой примерно сто пятьдесят лет и которая, наверное, не умеет отправлять электронные письма, напрочь вынесла всем нам мозг, пытаясь устроить так, чтобы они с моим отцом приехали на похороны, хотя вообще-то они оба всегда ненавидели Олеандру – так звали эту мою двоюродную бабку. Они всегда считали (а может, и до сих пор считают), что Олеандра виновата в смерти моей матери, тети и дяди и матери моей лучшей подруги.

– Что значит – виновата в смерти?

– Никто толком не знает. Давным-давно, в конце восьмидесятых, они отправились на

поиски какого-то таинственного растения и не вернулись. Вроде бы у этого растения есть стручок, на вид как у ванили, но он якобы обладает волшебными или мистическими свойствами – правда, никто не знает, как воспользоваться этими самыми свойствами и не помереть. Олеандры там с ними даже и не было.

– Вот это да. Готовый сценарий.

– Или документальный фильм о природе.

У Клем в кабинете пахнет очень приятно, но Зоэ не может определить, чем именно. Неясный аромат – его нельзя приписать лавандовым свечам, которыми уставлена комната, или огромным суккулентам, да и вместе они вряд ли пахли бы именно так, хотя, вероятнее всего, их доля тоже есть в этом странном запахе. Правда, сегодня в комнате появилась еще и потрепанная картонная коробка с горшочками белых цветов – но, хотя раньше их тут не было, пахнет всегда одинаково. Что за запах? Может, так пахнет сама Клем? Похоже на лесную сырость, но в хорошем смысле слова. Еще, возможно, легкая нотка тропиков. Клем – единственная на всем факультете, у кого на полу вместо дежурного ковролина лежат голые доски. А еще она убрала из кабинета все флюоресцентные лампы. Да, именно убрала, а это в тысячу раз удивительнее и интереснее, чем просто решить их не включать, как делают обычные люди. Вместо этих самых ламп она завела себе разные старые напольные и настольные светильники, которые, как она утверждает, томились, всеми забытые, в шкафу в подвале. А вместо казенного компьютера, который беспрестанно гудел бы в комнате дни напролет, у нее на столе бесшумный и прекрасный крошечный ноутбук: она приносит его из дома в тряпичной сумке. Иногда Клем даже убирает его в ящик стола и, положив на освободившееся пространство альбом для рисования, делает наброски. Зоэ начала работать в университете только в сентябре, и пока у нее в кабинете нет почти ничего, кроме стола, стульев и бежевого компьютера, выданного факультетом. Правда, у нее есть ярко-оранжевый ковер, который, вероятнее всего, ее предшественник выбрал себе сам. Ей нравится кабинет Клем, и она надеется устроить себе примерно такой же, только с макбуком и атмосферой повеселее.

– Здесь стало бы гораздо лучше, если бы электронных писем приходило поменьше – например, для начала объявить запрет на письма от родственников, друзей, жен и мужей. Ну и от студентов, конечно.

– Только им этого не говори, – предупреждает Зоэ. – Они тебя любят.

Это правда. Студенты и в самом деле любят Клем. Им нравится, что она снимает настоящие фильмы, а значит, может рассказать им, как это делается. И на их электронные письма она тоже отвечает, даже если часто им приходится ждать ответа несколько дней – ну ладно, иногда неделю. Но бывают лекторы, которые совсем не отвечают на письма студентов, а это вообще довольно дерьмово, особенно если учесть, что ты платишь за учебу больше трех тысяч в год. Клем никогда не отчитывает студентов, а только мягко подшучивает над ними. Не показывает своего превосходства. Когда слышит, как они вместо освещения обсуждают секс (“О боже! Значит, ты с ней переспал, а мне никто ничего не сказал? Ну и плевать. Я счастлив за вас!”), просто приподнимает бровь и наблюдает, как аудитория пшикает сдавленным хихиканьем. Она ни разу не опоздала на лекцию и всегда дает интересные задания – например, те пародии на документалки о природе, когда им нужно было придумать самый дурацкий закадровый текст для видео про кроликов или дроздов, которых они снимали прямо на территории университета (“Дрозд, черный такой, думает: зачем это чудило тычет в меня камерой?”). Клем уже достаточно лет, чтобы не возбуждать их

своим присутствием. Они не сходят от нее с ума, как от Зоэ – та гораздо ближе им по возрасту и больше похожа на них внешне, и к тому же пишет сценарии для фильмов, которые они действительно смотрят. Большинство из них в курсе, что Клем номинирована на “Оскар”, но они не видели ее документалок, даже “Пальму” и ту не видели. Что до Зоэ, то несколько парней с курса мастурбировали до одурения, читая ее тексты – в особенности ту знаменитую подростковую лесбийскую драму, события которой разворачиваются в Уондсуэрте. Безумие, конечно, учиться у человека, чьи тексты оказывают на тебя *такое* впечатление.

– И как у тебя только времени хватает на все это развитие персонала? – спрашивает Клем. – В смысле, надеюсь, тебя не перегружают. Не помню, чтобы подобное было в плане твоей стажировки.

Зоэ пожимает плечами:

– Это что-то новенькое. Раньше я такого не делала. Возможно, смогу взглянуть на всех со стороны. Или даже отыщу что-нибудь для будущих сценариев. Ну и к тому же я двигаюсь в направлении своего Крайне Важного Сертификата Равных Возможностей.

– Наверное, стоит указать это в твоём следующем отчете о стажировке. Это произведет на них впечатление.

– Ага. А вообще я зашла узнать, не застану ли тебя здесь после семинара: может, выпьем кофе?

– Во сколько он заканчивается?

– Думаю, примерно в половине пятого.

– Это что, на целый день?

– Видимо, будут разбирать частные случаи. Ну и всякая там ролевая игра...

– Ясно. Ну ты постучись, когда вернешься. Я наверняка еще не уйду. Сейчас мне кажется, я здесь застряла навечно.

– Отлично. Кстати, что это такое в коробке?

– Перец чили. Хочешь, возьми один себе?

Зоэ пожимает плечами:

– Пожалуй. Только с ними не слишком много возни? Я ведь тот еще садовод.

– Совсем нет. Они к тому же однолетники, так что...

– Что за однолетники?

– Живут один сезон и потом умирают. Моему аспиранту они понадобились для фильма, вот я и притащила. Теперь они ищут себе хозяев. Они принесут отличные красные перцы. Жгучие.

– Я люблю еду с красным перцем.

– А у меня от нее прямо-таки зависимость. Занесу тебе горшочек попозже.

Члены.

Сотни и сотни членов. На трех-четырёх фотографиях – члены каких-то организаций, серьезные, в строгих костюмах и при галстуке, довольно нелепые в данном контексте. Что же до остальных картинок... Есть тут члены во рту у мужчин. Есть – во рту у женщин. Или у подростков. В заднем проходе у мужчин. В заднем проходе у женщин. В руках у женщин, у женщин между грудей. Большинство – во влагалище у женщин. Попадают женщины, у которых один член во влагалище, а другой во рту. А есть и такие, у кого еще и третий – в заднем проходе. Картинки сопровождают подписи, например такие: “Юная школьница

давится огромным членом” или “Мамаша дает с двух сторон”. Беатрикс хотела набрать в “Гугле” слово “Мишлен”, но что-то не заладилось, и вот теперь она смотрит на члены. Если честно, слово “член” вместо “Мишлен” набралось у Беатрикс на клавиатуре еще месяц назад, и тогда же компьютер выбросил ей табличку с напоминанием обновить браузер и установить необходимый уровень защиты. Поскольку Беатрикс не особенно волновали вопросы защиты, она взяла и отключила предлагаемую опцию “безопасный режим”, даже не разобравшись, что это вообще такое. И. Кхм. Тот день выдался *очень* странным.

Сегодня она ввела в строку поиска слово “член” намеренно (а если ее застукают, она, конечно, скажет, что имела в виду “Мишлен”... Нет, вы представляете, какой ужас... Никогда бы не подумала, что на свете есть извращенцы, которым... До чего же отвратительно и мерзко... и так далее, и тому подобное). Сказать по правде, последний месяц Беатрикс делает это почти каждый день – сразу после окончания утренних торгов. Правда, теперь картинки уже приелись. Хотелось бы чего-нибудь новенького, но вот чего именно, она не знает. В “Гугле” слишком много черных членов. Сначала они ей нравились, но теперь кажутся вульгарными, к тому же недавно она поняла, что по крайней мере некоторые из них – ненастоящие. Попадают черные члены длиной с целую руку от плеча до кисти. А Беатрикс совсем недавно пришла к выводу, что ей нравятся белые члены среднего размера – такой, вероятнее всего, был у ее мужа. За долгие годы совместной жизни она ни разу не видела его эрекции. Она чувствовала, как он входил в нее и выходил, но знала, что не должна прикасаться к нему или как-нибудь еще показывать, что осознает его наличие. Муж обходился скупыми прикосновениями – необходимым минимумом, для того чтобы войти в нее. Однажды она попыталась возбудить его член руками, но муж оттолкнул ее, и Беатрикс потом еще долго не могла избавиться от ощущения, что отныне он считает ее какой-то... Ну, какой-то потаскухой.

Черная потаскуха. Азиатская потаскуха. Потаскуха-подросток. Потаскухи давятся членом.

Потаскуха-мультишка.

Вот уж кто *в самом деле* странный.

Оргазм трепещет в теле Беатрикс, будто усталая птица-королек. Когда все позади, она встает и наливает себе предобеденный джин-тоник. В кухне ноутбук, на котором открыта программа мониторинга торгов на фондовых рынках, мигает синим, красным и зеленым. Основной цвет сегодня – синий, и это хорошо, но высока вероятность, что завтра настанет черед красного. Когда вся кровь возвращается на свои прежние места, Беатрикс кажется совершенно невероятным то, что буквально несколько минут назад она разглядывала фотографии всех этих несчастных людей, которые, что уж там, подвергались насилию и унижению (если быть честной с самой собой, Беатрикс придется признать, что “в момент истины” ей симпатичнее именно жертвы). В это время дня она всегда чувствует себя подавленной, примерно в эти часы она выводила Арчи на прогулку. Можно, конечно, и сейчас выходить гулять в это же время, но она не выходит. Сначала ей нравилось смотреть на людей, выгуливающих собак, а теперь не нравится. Первое время она чувствовала себя собачницей, потерявшей собаку (в отношении Арчи язык не поворачивается сказать “умер” или “смерть” – эти слова часто мелькают в разговорах о друзьях, родственниках и даже о муже и раньше казались ей внятными, честными и храбрыми, но теперь, в случае с Арчи, кажутся совсем неуместными – как и в случае с ее дочерью, красавицей Плам), и это было переходное состояние, но теперь этого ощущения больше нет: теперь она просто дряхлая

старуха, которая ковыляет по улицам одна-одинешенька, и даже не догадаешься, что когда-то у нее была собака. Прошло уже два года с тех пор, как он... Ну ничего, зато вскоре после этого она начала оформлять альбомы своих капиталовложений (этой стратегии ее научил высоченный человек на очень странном семинаре в Лондоне), и, собственно, именно для этих альбомов она искала в интернете картинки с логотипом “Мишлен”, мда, надо же, ну да ладно. Беатрикс не может одновременно думать о своем недавнем поиске в “Гугле” и вспоминать – пусть даже мимолетно – дорогого Арчи. Она отхлебывает из бокала и снимает с полки альбом. Высоченный человек (как там его звали?) советовал разбивать альбомы на сегменты – например, “отдых и путешествия” или “продуктовые магазины и аптеки”. Но у Беатрикс главный сегмент капиталовложений – внуки. Правда, внуки в ее альбомах не совсем такие, как в жизни, и все же...

Вот это – ее любимый альбом, да. Он посвящен Клем, и эта Клем, из альбома, не вышла замуж за невыносимого Олли. Она замужем за Биллом Гейтсом, который не только богат и влиятелен, но еще и удивительно удобен для вырезания. Благодаря удачному замужеству перед Клем открывается прямая дорога к миллиардам. Интересно, что бы она стала делать с такими деньжищами? Ясно только одно: она полностью изменила бы свою жизнь. Конечно, она вряд ли захочет стать просто “женой Билла Гейтса” и всё. Клем из альбома Беатрикс решила забросить преподавательскую работу в Лондоне, получить докторскую степень по ботанике и организовать свой ботанический сад где-нибудь в Уэст-Кантри. Ее отец Августус, снова овдовевший после внезапной смерти молодой второй жены (Беатрикс представляет, что Сесилия умрет от заразной болезни, от чего-нибудь старомодного и жуткого – например, от испанского гриппа), опять наденет рабочие перчатки и станет в саду у Клем Главным Ботаником. Да, ботанический сад Клем будет похож на проект “Эдем”^[17], и именно фотографии “Эдема” Беатрикс вклеила в альбом, но в ее воображении сад Клем намного красивее. Раз в неделю он закрыт для посетителей, и тогда Клем устраивает там чайные вечеринки и делится с гостями своими научными соображениями и новейшими исследовательскими проектами. Вместо того чтобы ездить в какие-то дурацкие далекие края в ДЖИНСАХ и снимать там пальмы, которые ходят туда-сюда (во что Беатрикс, честно говоря, не очень-то верит), Клем дни напролет порхает среди теплиц в кипенно-белых платьях. У нее никогда не бывает месячных. Время от времени она проводит пресс-конференции и тогда наряжается в лимонные брюки-капри. Конечно, капри у нее от Диора. И сшиты в 1982 году. А впрочем, это не так уж важно. Иногда Беатрикс вклеивает картинки в свои альбомы просто потому, что они ей нравятся.

Беатрикс усаживается за стол, вооружившись ножницами и прихватив свежий выпуск журнала “Вог”, – нужно подобрать Клем наряд для похорон, которые состоятся в этот четверг. Есть сносное платье Кейт Миддлтон из магазина “Рейсс”, но не слишком ли оно дешево для жены Билла Гейтса? Впрочем, если для миллиардера это дешевка, то, наверное, для относительно преуспевающей бабушки, которая по субботам возит внуков в Лондон пройтись по магазинам и пообедать, а по воскресеньям – полюбоваться картинами в художественных галереях, – в самый раз? В прошлые выходные, когда они были в галерее, Клем потащила ее смотреть на череп, инкрустированный алмазами, и еще на солнце из дохлых мух. На этот раз выбирать будет Беатрикс. Может быть, им взглянуть на ботанические иллюстрации в музее Виктории и Альберта? Конечно, до похорон они уже не успеют купить новый наряд, но это не страшно: альбомы Беатрикс не подчиняются законам времени, платье можно будет вклеить и позже. Альбомы ведь нужны только для того, чтобы иметь визуальное

представление о своих капиталовложениях. Правда, “Рейсс” не числится на фондовой бирже. Но однажды его наверняка внесут в список. Беатрикс задумывается над тем, куда бежать молодой занятой женщине вроде Клем (неважно, воображаемой ее ипостаси или реальной), если ей срочно понадобился похоронный наряд. И подписывается на несколько акций универмага “ASOS”.

Едва она успевает проверить почту (ни от Клем, ни от Августуса, ни от Чарли весточек нет) и перейти к альбому Брионии – вот уж с чем придется повозиться, – снова доносятся звуки Шуберта. Беатрикс не возражает против Шуберта. Она очень любит Шуберта. Порой, когда она ищет в интернете “Мишлен” (а точнее, “член”), на стереосистеме, которую Августус подарил ей на девятидесятилетие, играет струнный квартет Шуберта до мажор. Этот квартет, если воспользоваться словом, которое Беатрикс узнала в интернете, – звучит “грязно”. А еще он звучит грубо, особенно последняя часть. Но ей нравится самой решать, когда слушать это произведение. Правда, сосед сверху никогда не включает струнный квартет до мажор. Только фортепьянные сонаты. Из-за “члена-Мишлена” Беатрикс уже пропустила по радио программу “Вы и ваши” – впрочем, там все равно сплошные старики, которые вечно жалуются на жизнь, но иногда, когда ей хочется заняться продажей без покрытия, “Вы и ваши” оказываются весьма кстати. Вот только не хотелось бы пропустить еще и “Арчеров”^[18]. Интересно, догадается ли человек, который с чистой совестью слушает среди бела дня Шуберта на полной громкости, выключить музыку, когда по радио начнутся “Арчеры”? Едва ли. Беатрикс возвращается в кабинет и вводит в строку поиска фразу “как следить за соседями”. Выскакивает почти миллион результатов, но большинство – опять порнография.

– Итак, дилемма. Коллега дал понять, что равнодушен к тебе, а ты, в свою очередь, дала ему понять: пусть не рассчитывает на взаимность. Потом он дарит тебе подарок. Следует считать этот поступок домогательством или нет?

– А что за подарок?

– Вот и я про что! Все в один голос: “Да-а, это стопроцентное домогательство!”, а сами даже не спросили, что за подарок!

– Ну да, если это “Кама Сутра”, то, вероятно, все-таки домогательство.

– А если холодки “Поло” или что-нибудь такое?

– Люди что, до сих пор едят холодки “Поло”?

– Кто их знает. И потом, важен ведь контекст. Вдруг он дарит подарки всем без разбора? Нет, ну правда, представь себе идиотку, которая пошла в отдел кадров жаловаться на парня за то, что он подарил ей, ну не знаю, диск с записью своего нового фильма или что-нибудь подобное. Может, он подарил такой же диск всему отделу и заодно выложил запись в Ютьюб?

– А может, дело происходит под Рождество, – подхватывает Клем.

– Чертовски длинный день, – вздыхает Зоэ и отхлебывает из стаканчика с соевым латте. – Господи боже.

– Зато теперь сертификат у тебя в кармане?

– Да. Но знаешь, в чем подвох? Его нужно подтверждать каждые пять лет. То есть до своего тридцатилетия мне нужно будет пройти через все это снова. О-о-х. Я просто обязана к тому времени стать звездой Голливуда!

– У тебя это и в самом деле в планах?

– Нет. Хотя, может, и да. Не знаю.

В комнате отдыха почти пусто. Несмотря на суперсовременные автоматы с напитками и шоколадками и ярко-красные диваны, ощущение, будто находишься в замшелом муниципальном учреждении. Зоэ распустила волосы и накрасила губы бесцветным блеском, потому что – можно догадаться – после работы она с кем-то встречается. На столике между Клем и Зоэ стоит приоткрытый пакет из супермаркета “Уэйтроуз”, и из него выглядывает цветущий перец чили.

– Так что мне с ним делать? – спрашивает Зоэ у Клем, коснувшись пакета, но не самого растения.

– Поставь на солнечный подоконник. Обильно поливай – хорошо бы два раза в день. Ему больше понравится в саду, но ты, кажется, живешь в квартире? Единственное, с чем придется заморочиться, если ты будешь держать перец в помещении, – это ручное опыление. Не надо морщиться. Это очень просто. Я тебе покажу. Просто берешь и вот так аккуратненько трешь середину цветка мизинцем, и – смотри, он теперь весь в пыльце. Потом тем же самым пальцем аккуратно проводишь по серединке другого цветка – и все, он опылен. Потом возвращаешься к первому цветку с пыльцой со второго и переходишь к третьему. Понимаешь? Это нужно делать всякий раз, когда появляются цветы. В произвольном порядке. Просто представь себе, что твой палец – это пчела.

– Ну, пчелы-то, наверное, все это делают с умом?

– Нет. Опыление происходит совершенно спонтанно. Они собирают с цветов нектар и попутно опыляют их. Мизинец ничем не хуже пчелы.

– А эта их пыльца, она, случайно, не ядовитая?

Клем смеется:

– Пыльца у цветов вместо спермы.

– Фу, – снова морщится Зоэ, но все-таки потихоньку трет мизинцем один из цветков и улыбается, обнаружив, что теперь на ее пальце тонкий слой желтой пыли. Потом она окунает мизинец в соседний цветок.

– Выходит, я только что помогла этим двум цветкам заняться сексом? – спрашивает она.

– Ну да, – подтверждает Клем. – Так и есть.

Зоэ придвигает пакет с растением к себе поближе.

– Я присмотрю за вами, – говорит она. – Будете у меня без передышки трахаться.

– А, слушай, знаешь, что я сегодня слышала? – спрашивает Клем.

– Что?

– “Пальму” покажут в Эдинбурге в июне – прямо-таки национальная премьера. И еще ее выдвинули на престижную премию в области документальных фильмов. Написали мне об этом еще на прошлой неделе, и я прозевала бы письмо, если бы сегодня не устроила большую чистку почтового ящика. Обнаружила, кроме того, письмо с вопросом, можно ли приехать и защитить диссертацию в нашей “колыбели науки”. Кстати, с тех пор как мы с тобой увиделись утром, мне пришло три новых письма от бабушки. Если я правильно поняла, сосед сверху никак не выключает Шуберта, и поэтому она все-таки приедет на похороны. Это какая-то...

Клем вздыхает.

– Понимаю. Семья, чтоб ее, – говорит Зоэ и гладит листик чили. – Но какая классная новость! Про награду.

– Да. Спасибо. И еще в Эдинбурге меня включили в жюри конкурса на лучшую

документалку о природе. Думаю, будет интересно. У меня ощущение, будто я выпала из жизни и не вполне понимаю, чем сейчас занимаются другие. Последний документальный фильм о природе, который я смотрела, – “Снег” Хейди Коэн. Господи. Это ведь было в прошлом году. Черт возьми, куда девается время?!

– Расходуется на церемонию вручения “Оскар”. На полеты в компании растений в горшках.

– Откуда ты знаешь про полеты в компании растений?

– Ты сама мне рассказывала. Никак не выходит из головы. Что это, кстати, было за растение?

– Эхинацея. Я совсем про это забыла. Боже, да, какой-то мужик отправил всю свою семью в эконом-отсек, а сам сидел в бизнес-классе, и на соседнем кресле летела его эхинацея в горшке.

– Это все, конечно, попадет в мой сценарий про твою жизнь.

– Не дури.

– Я совершенно серьезно. Но, конечно, спрошу твоего разрешения, когда допишу. И проверю все названия растений и что там еще нужно.

– Боже, – выдыхает Клем с наигранным ужасом, но видно, что слова Зоэ ей, скорее, приятны.

– Ну а вообще это классно для ОНД^[19]. Разные, там, титулы, заслуги. Ну, я про твои номинации и про приглашение в жюри.

Оценка Научной Деятельности – это примерно то, во что превратился бы чемпионат мира по футболу, если бы им заправляли академики. Она проводится в той или иной форме раз в шесть или семь лет, но всегда под новым названием и с новыми правилами. Но в любом случае побеждает то учебное заведение, в котором издано наибольшее число передовых книг и проведены самые масштабные и гламурные мероприятия. И что же сулит победа? Финансовую поддержку правительства для самого достойного факультета. Правда, в последние годы поддержку эту так сильно урезали, что не имеет смысла бороться даже за максимально возможную сумму – по крайней мере, если факультет не относится к сфере культуры и искусства. Ну а дальше, чем более высокое финансирование получает факультет, тем лучше о нем думают. Победители всегда – Оксфорд или Кембридж, так что борьба ведется исключительно за третье место, и в последний раз его заняла Лондонская Школа Экономики. Участие в телепередачах особенно ценно для ОНД, а это как раз работа Зоэ. Но ей нужно успеть выпустить хотя бы еще один фильм до 2014 года. У Клем уже есть “Пальма”, с которой не может тягаться ни одна картина ее коллег по кинофакультету. Конечно, нужно еще доработать заявку. Она подаст на конкурс “Пальму” и новый фильм, который сейчас доделывает, – “Жизнь”. А потом, наверное, придется написать пару статей в журналы, чтобы в отчете значились четыре научные работы. Зоэ отделается двумя, а может, даже одной, поскольку она новенькая.

– Ну так что, будете с Олли праздновать?

– Что?

– Как что? Выдвижение на престижную награду.

– Не знаю. В следующий четверг я еду на похороны двоюродной бабушки, и там соберется вся родня – потом мне придется долго приходить в себя, а когда я наконец оклемаюсь, будет, наверное, уже слишком поздно праздновать выдвижение на награду. Ничего, мы уже отметили номинацию на “Оскар” и все остальное. Я вообще в этом году

много праздную. Ладно, не слушай меня, порю какую-то чушь.

Клем допивает остатки двойного эспрессо.

– В следующий раз пригласи меня, – говорит Зоэ. – Помогу тебе отпраздновать как следует.

– Хорошо, приглашу. Спасибо! Но, знаешь, сейчас мне куда больше хочется покоя и тишины. Ну не спорю, конечно, это был прекрасный год, фильм так хорошо принимали, но сейчас я бы сбежала от всего этого. Думаю, ты понимаешь меня. У тебя с “Влажностью”, наверное, было то же самое?

– Мне за нее никто не грозился вручить “Оскар”.

– Я знаю, но все равно.

– Но ведь ты счастлива, правда?

Клем улыбается, глядя на Зоэ.

– Вообще-то нет, не особенно.

Флёр сидит на громадном диване в гостиной отеля Сохо и дышит особым способом: выдох – задержка дыхания – еще немного выдоха. Вроде бы это должно помочь обуздать эго. Но нет, хитрый способ дыхания не обуздал эго, но, по крайней мере, очистил легкие от всякой застарелой гадости – например, от нескольких атомов последнего выдоха Мэрилин Монро, которые, несомненно, находятся в легких каждого из нас. Только что у Флёр было часовое занятие со Скай Тернер, но вышло так, что час превратился в полтора. Помощница записала Скай на йогу и медитацию, но оказалось, что на самом деле ей просто хотелось выговориться, рассказать о своем администраторе, – занятие получилось похожим, скорее, на сеанс психотерапии. Конечно, это в порядке вещей – выслушивать, как люди выпускают пар, это часть работы Флёр, но ее огорчает, когда люди не следуют ее советам. А еще хуже – когда она произносит какие-нибудь потрясающие слова из тех, которые давным-давно говорила ей Олеандра (например, “Что говорит тебе сердце?” или “А как бы на твоём месте поступила Любовь?”), а эффекта – ноль, или же человек в ответ просто бубнит: “Не знаю”.

Люди всегда знают, что говорит им сердце и как на их месте поступила бы Любовь, просто не хотят себе в этом признаваться. Сердце вполне может сказать: “Хочу переспать с соседом” или “Хочу уволиться с работы”, а тебе его заявления не нравятся. Но почему бы не услышать их и не рассмотреть со всех сторон? Со Вселенной тебя связывает не разум, а сердце. Может быть, и правда, стоит взять и переспать с соседом. Ведь, в конце концов, действия не имеют ровным счетом никакого значения. Что-то вроде этого Флёр сказала Скай Тернер, и у той вдруг на секунду прояснился взгляд, и было видно: она *поняла*. На эту единственную секунду Скай вышла на связь. А потом вдруг – *пуфффф*... Скай наверняка хочет переспать с соседом или, может быть, с соседом родителей, однако сосед родителей – звезда субботнего прайм-тайм телеэфира, и Флёр не уверена, что при таком раскладе Скай остается на связи со Вселенной посредством сердца. Даже если принять во внимание то, что перед Вселенной все случаи равны. А может, это сын соседа? Флёр вздыхает.

Олеандра всегда была терпелива к людям. Она понимала, что ее клиенты могут заикнуться на одних и тех же проблемах на месяцы, или годы, или вообще на всю жизнь, и мягко доносила до них мысли, осознание которых могло (она это допускала и принимала) произойти очень нескоро. Флёр вообще-то неважный психотерапевт, и диплома в этой области у нее нет. Диплома преподавателя йоги у нее тоже нет, но здесь дела обстоят гораздо лучше, ведь она ведет занятия йогой в “Доме Намасте” с шестнадцати лет. Знаменитости

платят ей за советы, поскольку считают, что Олеандра передала ей знание. Но Флёр не знает и десятой доли. Ну хорошо, она знает, как заваривать чай. И еще – о восьми ступенях йоги Патанджали. А больше – ничего.

Человек, которого она ждет, наконец появляется: в линялых, слегка расклепанных джинсах, розовой рубашке и старой вошеной куртке черного цвета. Он выглядит одновременно старше и моложе своих лет: ему шестьдесят восемь. Он всегда был чересчур худым и ходил слишком быстро. Наверняка приехал на серебристом “Мерседесе 300SL” и припарковал его на Сохо-сквер. Он всюду добирается на машине – тоже слишком быстрой – и всегда находит место для парковки, несмотря на ужасную карму, которую себе приписывает.

– Августус. – Флёр поднимается и целует его в обе щеки. – Как ты?

– Флёр, – говорит он и целует ее в ответ. – Ты выглядишь очень... как бы это сказать... очень *ярко*, вот как, моя дорогая. В толпе тебе ни за что не затеряться!

На Флёр сегодня платье, которое на прошлой неделе ей подарил чей-то стилист в благодарность за помощь. Верхняя часть – вишнево-красная, а нижняя – оранжевая.

Ну вот, началось.

– Значит, ты боишься, что нас увидят, – говорит она Августусу.

– Было бы очень некстати, если бы это случилось. Сесилия сейчас не в лучшей форме.

Флёр следит за его взглядом и осматривает просторное помещение. За одним из столиков журналистка с сумкой “Малберри” и старомодным кассетным диктофоном берет интервью у какой-то девушки, а больше вокруг никого нет. Входная дверь – в дальнем конце зала, а за ней – фойе отеля и бар. Сюда никто не заходит – хотя, по правде сказать, конечно, заходят. Когда Флёр была здесь в прошлый раз, напротив сидел один знаменитый человек, который играл в карты с мальчиком лет десяти. Флёр решила, что мальчик – его сын, а крупная темнокожая женщина, сидевшая рядом, – жена, но потом выяснилось, что женщина – сотрудница благотворительной организации, а у мальчика неизлечимая болезнь. Знаменитый человек выдал женщине чек на десять тысяч фунтов и переписал себе в блокнот речь, которую она за него сочинила, а Флёр все это время сидела напротив и составляла ежедневный комплекс упражнений для бывшей жены рэппера по имени Зона. Но, поскольку знаменитостям нет дела до других людей, можно в общем-то...

– Думаю, мое платье нам не повредит, – сказала Флёр. – Но, если тебе здесь неудобно, можно пойти куда-нибудь еще. Правда, в “Блэкс” нельзя, там Клем, а больше я ничего поблизости и не знаю. Наверное, нам вообще не следовало...

Флёр встает. Раньше она никогда так не разговаривала с Августусом, а теперь – разговаривает. Ей кажется, что их отношения – это тупик, из которого она уже миллион лет не может выбраться.

– Не говори ерунды. Прости, дорогая, ты же знаешь, я всегда переживаю. И за тебя тоже. Да и Сесилия, как я уже сказал, сейчас не... В общем, ладно, сядь, пожалуйста. Давай закажем чаю.

Флёр вздыхает, садится и делает еще несколько дополнительных выдохов. Потом смотрит в меню. Меню – прекрасно. Здесь все прекрасно, поэтому она сюда и приходит. Будь она одна, она бы заказала, наверное, настоящий английский чай – с закусками, пирожками и топлеными сливками. Но Августус не поймет, если она закажет все это и потом заберет две трети домой, чтобы кормить птиц, поэтому Флёр выбирает фруктовую тарелку и *thé pétales*^[20]. Ах да, и еще несколько разноцветных миндальных пирожных – по крайней мере два она припрятает, чтобы отнести домой Робину, – очень уж тот их любит. Августус

заказывает фруктовый пирог, чай “Английский завтрак” и большой бокал бордо. Он неодобрительно хмурит лоб, глядя, как Флёр достает свою миниатюрную баночку с розовой гималайской солью и особые травы, которые она добавляет буквально во все.

– Ну как ты? – спрашивает он наконец.

– Грустно. Очень. Конечно, это не было неожиданностью. Она так тяжело болела. Я продолжаю работать, но все теперь кажется совсем другим. А ты как?

– Все то же самое.

У Августуса всегда “все то же самое” – что бы это ни значило. Флёр ждет, что он скажет что-нибудь об Олеандре, но он молчит. Конечно, он ничего не скажет. Флёр вообще не знает, зачем они с Беатрикс собираются приехать на похороны, они ведь с Олеандрой и словом не перемолвились с 1989 года. Может быть, он надеется получить в наследство “Дом Намасте”? Но это полная ерунда, потому что... Она закрывает глаза и снова открывает. Видит сначала ладанное дерево, а потом отчего-то – подушки в наволочках, которые сшили они с Кетки.

Августус снова хмурится. Трет глаза.

– Что с тобой? – спрашивает Флёр.

– Да так, – он умолкает, и по лицу пробегает тень улыбки. – Все сразу. Как обычно.

Сколько лет должно пройти, чтобы ты перестал тосковать по своей первой жене, по сестре и по двум ближайшим подругам, которые пропали без вести где-то в Индии или на островах Тихого океана, оставив тебя дома с приступом малярии? Явно больше, чем успело пройти в жизни Августуса.

– Ну... Держись, пожалуйста.

– Да-да, конечно. Не волнуйся. Как твой сад?

Похоже, он и в самом деле не скажет больше ни слова об Олеандре.

– В порядке. Местами слегка поредел. Маки уже всходят. Кстати, на этот раз я не забыла захватить семена для тебя.

Флёр достает из сумки коричневый конвертик.

– От самого лучшего цветка. Темно-бордового. Поверить не могу, что пустила его на семена. Но, с другой стороны...

– Спасибо, дорогая. Твои я пришлю по почте. Мы все время забываем.

– Да, забываем.

– Наверное, это оттого, что мы слишком заняты.

– Наверное, – улыбается Флёр.

Когда приносят чай и Августус берется за вилку, Флёр замечает, что руки у него дрожат. Он начал выращивать опиум для Сесилии после ее нервного срыва, но теперь сам принимает намного больше, чем когда-либо принимала его жена. И намного больше, чем принимает Флёр. Он говорит, это облегчает приступы малярии, но где это видано, чтобы опиумом лечили малярию? В этой стране такая идея в последний раз приходила людям в голову в шестнадцатом веке. Но, как ни крути, опиум – это то, что их объединяет. И дает повод выбирать друг другу красивые открытки и отправлять с ними семена. Правда, Флёр нельзя подписывать в открытках собственным именем.

– Значит, теперь такая мода? – спрашивает Августус, продолжая разглядывать ее платье. – Надо будет рассказать Сесилии.

Флёр вспоминается история о двух монахах, давших обет безбрачия: как-то раз они оказываются на затопленном отрезке дороги, и один из них помогает красивой женщине – переносит ее через поток воды. Второй не может поверить в то, что первый позволил себе

такую вольность, и на протяжении нескольких миль сердито молчит. Наконец он все-таки решает разобраться в произошедшем и спрашивает у друга, почему тот так поступил. И друг его отвечает: “Брат мой, я-то опустил ее обратно на землю уже несколько миль назад, а вот ты, я смотрю, все продолжаешь ее нести”.

– К лету мода изменится, – говорит Флёр. – Так что не утруждай себя.

Вообще-то не к лету. Если верить стилисту Скай Тернер, этот цвет останется фаворитом и в коллекциях осень-зима, а может, даже и весна-лето 2012-го, хотя в воздухе витает дух шестидесятых, и стилист полагает, что это может отразиться на модных тенденциях. Возможно, вернется юбка-карандаш. Флёр узнала обо всем этом, когда ждала, пока Скай появится из большой ванной комнаты – их там две – своего гостиничного номера. По номеру были разбросаны сумочки, тысяч на тридцать фунтов, и все их прислали Скай совершенно бесплатно за одно только сегодняшнее утро. Она не захотела оставлять сумки себе, поскольку на одной из них красовался лейбл с именем знаменитости, более прославленной, чем она сама. Стилист положила глаз на сумочку цвета лайма, а для Флёр заметила желтую. Флёр отказалась. Когда крутишься среди индустов, как-то неловко иметь вещи из натуральной кожи.

– Вы что, с ума сошли? – удивилась стилист. – Возьмите и продайте на *eBay*!

Но Флёр не захотелось с этим возиться. Правда, можно было взять ее для Брионии. Главное сейчас – сменить тему и не дать Августусу продолжить этот неловкий разговор. Сесилия, очевидно, сама разберется, как одеваться. Флёр представляет себе, как посреди ночи Сесилия до седьмого пота вкалывает в саду, одетая в белую ночную рубашку, или отправляется на прием к врачу в льняных брюках, мешком висящих на заднице, или же надевает серые асимметричные платья, которые старят ее лет на двадцать. Флёр обо всем этом рассказывает Клем, которой, наверное, не по себе оттого, что мачеха старше ее всего на пять лет и к тому же едва может сама передвигаться, и приходится постоянно ее жалеть.

– Правда, нет смысла гнаться за модой.

– Ну тебе-то это, похоже, удастся.

– Вовсе нет. Я ношу то, что подкинет чужой стилист или кто-нибудь ненароком забудет в доме. Поверь, постоянное общение со знаменитостями кого угодно отвратит от моды.

– Как идут дела в “Намасте”?

– Хорошо. Просто превосходно. Но кто знает, как все повернется теперь, когда...

– То есть дом приносит достаточно денег?

– Да, конечно. По крайней мере, пока. Без Олеандры мне приходится проводить намного больше индивидуальных занятий – психотерапия, йога и к тому же...

И к тому же я помогаю Пророку паковать его посылки, с тех пор как у него не работает одна рука.

И еще поливаю растения в комнате над оранжереей – в той, куда никто никогда не заходит.

Если бы Вселенной это не было нужно, она не распорядилась бы именно так и ее мать не отправилась бы в путешествие, в котором ей встретились Затерянные люди, и, вероятно, не превратилась бы сама в такого же затерянного человека. Хотя в определенном смысле мать всегда была потерянной, из-за этого все и началось. Флёр не знает, куда Пророк отправляет свои пакеты, он избавил ее от этих подробностей. Но она с удовольствием кладет на счет “Дома Намасте” выручку от посылок. Вот только хватит ли денег? Ведь, если “Дом” будет продан, тогда...

– Говорят, люди перестали транжирить. Ну знаешь, все эти дорогие процедуры, гуру – это же немного... как бы сказать... В пору кризиса люди, наверное, экономят на подобных вещах?

– Знаменитости всегда будут тратить деньги на то, чтобы поднять себе настроение после подарка в виде целой горы сумочек общей стоимостью тридцать тысяч фунтов, а сумочки эти названы не в их честь, а в честь другой знаменитости.

Августус фыркает. У него у самого денег куры не клюют, но на людей, которые зарабатывают тем, что исполняют песни о сексе на полу или о сексе на пляже, смотрит с долей презрения (хотя сам за свою жизнь на каких только полах не занимался сексом, да и на пляже – тоже). По правде говоря, в определенном смысле именно с секса на пляже и началась вся эта история, в которую вляпались они с Флёр.

– Нет, я серьезно, – говорит она. – Очень непросто мириться с абсурдом в собственной жизни. Вот представь: девушка родилась в стареньком доме где-нибудь в Фолкстоуне, за душой ни гроша, зато красавица. В карманах пусто. Однажды она съездила с подружками на Ибицу, поездка обошлась самое большее в сто фунтов, и это были лучшие каникулы в ее жизни. Подружки становятся парикмахершами или официантками, а она подрабатывает бэк-вокалом, чтобы скопить денег и обзавестись вот такой ерундовиной, – Флёр кивает на сумку журналистки, – которая стоит, между прочим, восемьсот фунтов. Но в один прекрасный день она понимает, что известные модели, актрисы и поп-звезды получают такие штуки бесплатно, поскольку компаниям важно, чтобы потребитель видел их вещи на знаменитостях. Короче говоря, девушка становится знаменитой. Она выпускает успешный альбом и быстро смекает, что ей срочно нужен стилист, и вот смотрите-ка, она уже вышагивает по подиуму на демонстрации коллекции Диора, хотя она даже не модель. Потом записывает дуэт с самым известным инди-исполнителем в стране. И вот тут-то ей наконец начинают присылать сумки. Начинают возить ее на самолетах первым классом, селят в пятизвездочные люксы. Все отлично, но она понимает, что уже никогда не сможет повторить ту поездку на Ибицу с подружками. И никогда уже не сможет порадоваться тому, что заработала достаточно денег на сумку. Чем больше она зарабатывает, тем меньше приходится платить. Вещи теряют цену. Теряют смысл. Но она вынуждена оставаться знаменитой, потому что хуже той жизни, какую она ведет сейчас, может быть только откат назад в бедность, к рейсовым автобусам, замороженным полуфабрикатам и необходимости самостоятельно записываться к врачу. Но никто не остается знаменитым навсегда. Чаще всего славы хватает года на три, если, конечно, ты не Том Круз.

Августус кладет в чай три, нет, *четыре* куска сахара. Флёр продолжает:

– И вот в один прекрасный день помощница по ошибке покупает ей авиабилет эконом-класса, и ее не пускают в представительский лаундж аэропорта. Она возмущается и требует исправить ошибку, но ее прогоняют. Она пытается поменять билет, но на этом рейсе не осталось свободных мест. А купить новый билет она сама уже и не умеет. Доходит до того, что она произносит ужасающие слова, над которыми они с мамой когда-то посмеивались: “Да вы знаете, кто я такая?” А они не знают. Ну, то есть знают, но такой – с потекшей тушью – они ей помогать не будут. Тем более что на прошлой неделе в журнале “Грация” опубликовали ту заметку, да вдобавок она прибавила в весе, с тех пор как перестала ездить на гастроли. Она готова убить свою помощницу – убить в буквальном смысле слова, – но вместо этого мечет в нее гневные смс. Сидит в салоне эконом-класса и рыдает: в ближайшие три часа ей предстоит быть обычным человеком. Нет, правда, лучше умереть. Самый

унизительный момент наступает, когда она направляется к туалету бизнес-класса, ведь она никогда не пользовалась другим, и стюардесса вежливо, но твердо разворачивает ее и отправляет обратно в эконом.

Флёр делает небольшую паузу и продолжает:

– Вот когда происходит духовное прозрение. Именно в такие моменты ты готов впустить в себя свет.

– Ты так на нее похожа, – говорит Августус, качая головой. – Иногда даже жутковато. Но, пожалуйста, будь осторожна, моя дорогая. Приготовься к тому, что теперь, когда она умерла, многое может всплыть на поверхность.

Флёр едва не произносит: “Да, папа”. Впрочем, она никогда его так не называла.

– Ладно, ну а как там дела в Бате? – говорит она. – Как твоя малярия?

Августус хмурится:

– Больно. Непредсказуемо. Все то же самое. Мать отправила меня на прошлой неделе на иглоукалывание. Не помогло. Только больно было.

– Больно при иглоукалывании быть не должно. Ты сказал им?

– Нет. Все равно такие вещи мне никогда не помогают. Бессмысленно.

– Так зачем же ты пошел?

– Ну ты же знаешь мою мать...

По правде говоря, нет, Флёр ее не знала. Но о ней знала буквально все.

– Как Сесилия? Как девочки?

– У Сесилии все то же самое. Принимает новое лекарство, встает не раньше полудня и по-прежнему не разговаривает с моей матерью. Беатрикс в последнее время очень старается наладить отношения, но толку мало. А девочки... Ну, Плам – восхитительная. Вылитая Клем в ее возрасте. Лаванда – кошмар. Ума не приложу, что с ней делать. Все время требует какие-то вещи, а если мы их не покупаем, злится. Иногда я жалею, что мы не остановились на Плам. С таким здоровьем, как у Сесилии, нам бы, конечно, следовало остановиться на Плам. А может, даже и раньше.

– Наверняка это просто переходный период, – говорит Флёр. – Кажется, у Холли было нечто подобное. А у Плам разве не было? Сейчас детские товары – это целая огромная индустрия.

– Но самое ужасное – то, *как* она просит. Вот что меня убивает. Садится ко мне на колени и заглядывает в глаза, словно какая-нибудь проститутка, – извини, пожалуйста, но именно так это выглядит. “Папочка, миленький, ну прошу-у-у тебя”, – говорит, и ресницы так дрожат, точь-в-точь Мэрилин Монро. Где она могла этого понабраться? Противно смотреть.

Может, это действие тех самых атомов? Или она была Мэрилин в прошлой жизни.

– А друзья у нее есть?

– Да, конечно.

– Они не остаются друг у друга с ночевкой?

– Иногда остаются. По-моему, рано им еще, но Сесилия говорит, это в порядке вещей.

– Ну тогда она могла увидеть, как другая девочка выпрашивает таким образом подарки у отца. А может, подсмотрела на “Никелодеоне” или в голливудском фильме. Она, наверное, хочет произвести на тебя впечатление. Показать, какая она взрослая и как хорошо разбирается в жизни.

– Да, но потом начинаются жуткие вопли, если ей отказать.

Флёр пожимает плечами:

– Наверное, на то они и дети.

– С тобой у меня не было хлопот, – говорит Августус.

Да-да, с Флёр у Августуса не было никаких хлопот. Он исправно платил за ее учебу в школе и держался на безопасном расстоянии. Возможно, он никогда и не признался бы в том, что он – ее отец, если бы не заподозрил, что Флёр занимается сексом с Чарли – своим братом. Августус не менял ей подгузники, не покупал подарки на дни рождения и не держал ее на руках. Ни разу.

В аудитории на третьем этаже нет окон и стоит духота. Будь там окна, в них наверняка был бы виден Кентерберийский собор. Вид на собор – одна из трех основных причин, по которым люди поступают в здешний университет, но, став студентами, большую часть времени томятся вот в таких аудиториях без окон, похожих на тюремные камеры, и любят чаще не на собор и симпатичный город вокруг, а на каракули, оставленные на магнитной доске преподавателем, который последним проводил здесь семинар. Из просторной столовой на нижнем этаже открывается идеальный вид на собор, но обычно его заслоняют ширмой – непонятно, зачем. Единственное объяснение, которое приходит в голову, – это что студентов, поглощающих обед за три фунта и сорок пенсов, считают недостойными эстетического удовольствия подобного уровня и удаляют красоту из их поля зрения, чтобы она, неровен час, не оказала на них разрушительного воздействия. Или наоборот, чтобы они, неровен час, не оказали разрушительного воздействия на красоту. Перед занятиями Бриония шла в столовую перекусить, заходила за ширму и сидела там, глядя на собор и ожидая, что вот-вот кто-нибудь придет и сделает ей замечание. Но никто не приходил.

Группа обсуждает спорное место в диалоге из “Нортенгерского аббатства”. Олли, как обычно, пускает дискуссию на самотек, да и слушает вполуха. Правда, они не должны обсуждать сейчас этот отрывок, их задание – найти в тексте элементы метапрозы. Хелен, девушка с дредами, в джинсовом комбинезоне, большая любительница поспорить и к тому же бисексуалка, находит *в высшей степени* оскорбительным то, что Генри Тилни диктует Кэтрин Морланд, какие цветы должны ей нравиться, и, по ее мнению, поведение Генри, а впрочем, и весь роман – *в высшей степени* снисходительны. Грант, широкоплечий американский студент-стипендиат, утверждает, что, на его взгляд, Генри пытается дать Кэтрин и другим женщинам свободу, научить их видеть дальше домашних хлопот и забот по хозяйству. Хелен же полагает, что женщинам нет никакой надобности в том, чтобы им давали свободу всякие там назойливые мажоры, уж как-нибудь сами, спасибо. И так далее, и тому подобное.

Бриония в спор не вступает. Она просто перечитывает это место. “А теперь вы любите гиацинты? Как это хорошо. Вы приобрели новый источник радости, а человеку надо радоваться как можно больше. Кстати, дамам вообще полезно любить цветы – это может лишний раз побудить их отправиться на прогулку. И хотя гиацинт – растение комнатное, кто знает, если у вас родилась любовь к цветам, не распространится ли она и на розы?^[21]” Бриония вздыхает. Как не влюбиться в человека, который так мягко и нежно поддразнивает девушку? Как не влюбиться в мужчину, который способен разглядеть такую огромную разницу между гиацинтом и розой? Генри Тилни знает, что любовь к гиацинтам и любовь к розам – вещи несопоставимые. Он ведь говорит не только о комнатных и уличных растениях, но и о двух разных временах года, о свете и тьме, о...

Но Бриония, скорее, умрет, чем вступит в эти их обсуждения. Иногда она представляет

себе, как говорит что-нибудь, и ощущение у нее тогда примерно такое же, как при мысли о падении с большой высоты, когда голова от одного только воображаемого действия начинает кружиться по-настоящему. Повсюду клокочет – в сердце, ногах и почему-то даже в половых органах (как неловко!), и она почти наслаждается этим ощущением, зная, что это – всего лишь ее тайная фантазия (такая же, как те, в которых она сбрасывается с утеса или спит с Олли), и на самом деле она никогда не выкинет ничего подобного. Бриония уверяет себя, что совсем не хочет переспать с Олли. Просто он ведет у нее семинары, а ей всегда хочется переспать с тем, кто наделен властью, – что ж тут такого? Все равно она никогда не идет дальше фантазий. Правда, однажды они, конечно, переспали, но дело это давнее, тогда у них с Джеймсом не клеилось, а Клем и Олли еще не были вместе. Задолго до детей и вообще до всего важного. Но об этом никто не знает, и больше это не повторится. Во-первых, она слишком растолстела. А во-вторых, он женат на Клем.

Ну и потом, у нее ведь Джеймс. Джеймс знает разницу между гиацинтом и розой. Он бы понял смысл отрывка из Джейн Остин. На мгновение Брионии вдруг становится жалко Джеймса с его переслащенным соусом карри и с манерой медленно вводить в нее свой пенис – словно он помешивает очередное варево, бурлящее в чугунной кастрюле (в кастрюле он, понятное дело, помешивает не пенисом), и от этого тоже есть ощущение переслащенности; видимо, он где-то вычитал, что женщинам приятно, когда в них входят именно таким образом, и теперь он следует рекомендации, чтобы доставить ей удовольствие. Бриония голову сломала над тем, как признаться ему, что ее это бесит и она мечтает о том, чтобы он повалил ее на кровать и трахнул, как нормальный мужик. А Олли, интересно, мог бы трахнуть ее, как нормальный мужик? Вряд ли. Скорее всего, он теперь тоже использует этот метод с помешиванием. Клем, наверное, нравится. А Генри Тилни трахает Кэтрин Морланд, как нормальный мужик? Раз уж о них зашла речь. Бриония полагает, что уж он-то – наверняка. Но и доминировать Генри тоже не будет, разве что поведет себя слегка агрессивно, ну и, может, резковато. Что же до Дарси... Если хочешь, чтобы тебя как следует трахнул нормальный мужик, нужен Дарси. Правда, он при этом наверняка еще и кончит тебе в лицо... Причем кончит первым. В мокрой рубашке. Ох...

Бриония остается в аудитории дольше других студентов. Она задерживается почти каждую неделю, чтобы спросить о чем-нибудь Олли – иногда даже просто о том, как поживает Клем. Она теперь редко видит Клем и волнуется за нее. Не слишком ли много она работает? Но Олли почти ничего не рассказывает. Даже как будто не обращает на нее внимания, пока остальные студенты не выйдут из аудитории. Да и тогда, случается, не сразу ее замечает. Он все время чем-нибудь занят – скручивает сигарету, проверяет почту (или что он там еще делает) на телефоне. А потом всегда торопится уйти.

– Конечно, на следующей неделе я не приду, так что... – начинает она.

Олли убирает айфон во внутренний карман портфеля из мягкой коричневой кожи. На экране телефона трещина, она там с начала семестра. Иногда Олли дает им задание и сидит, уставившись на этот экран с абсолютно каменным выражением лица. Бриония никак не может понять, почему бы ему не заменить стекло. Он ведь наверняка застраховал телефон. А может, ему нравится ходить с разбитым экраном?

– Ну, все равно почитай следующую часть, если успеешь, – говорит он. – Думаю, тебе понравится.

Откуда Олли может знать, что ей теперь понравится, а что нет. Она никогда ничего не говорит на семинарах и пока не посещала индивидуальных занятий, которые ей вроде бы

полагаются. Они с Джеймсом уже давно не общаются с Клем и Олли (то есть общаются, конечно, но это так, одно название). Ведь у всех столько дел, сами понимаете. Бриония получает удовольствие (ну, если можно так выразиться) от таких минут, когда она стоит в аудитории рядом с Олли и знает, что дверь – вот она, и можно уйти в любую секунду. Вот если бы пришлось просидеть с ним лицом к лицу пятнадцать минут – это нет, увольте. А что, если она покраснеет? А если сломает под ним стул? Или захочет что-нибудь сказать, а вместо этого возьмет и ляпнет: “Можно взглянуть на твой пенис?” Не то чтобы ей хотелось (опять) взглянуть на его пенис, он у него довольно неказистый, цвета гриба и к тому же кривоватый, но...

– Занятие все равно состоится?

– Без тебя и твоих мудрых замечаний?

Бриония краснеет.

– Нет, конечно, я имела в виду...

– Ну, я на похороны не еду, так что...

– А. Понятно. Тогда...

Он вздыхает, переводит взгляд с портфеля на нее:

– Я предлагал. Но Клем не *нуждается* в моем присутствии на церемонии. Оказывается, я очень помогу ей, если куплю цветы к Великому Прибытию Бабушки Беатрикс, но на самих похоронах мне быть необязательно. – Он слабо улыбается и спохватывается: – Разумеется, ничего этого я тебе не говорил. Я понимаю (мне об этом напомнили), что, если бы у меня было нормальное расписание в университете, никаких проблем не возникло бы. Однако когда составляют расписание, не учитывают необходимости посещения похорон.

В Кентерберийском университете, где работает Олли, как и в университете Центрального Лондона, где работает Клем, принято проводить семинары по литературе в середине и конце осеннего и весеннего семестров. Но Олли решил отменить семинар на последней неделе семестра, чтобы студенты смогли обсудить философию восемнадцатого века в представлении Деррида. Бриония не жалеет, что пропустит это занятие. Она уже пробовала читать Деррида. Конечно, это очень интересно, и кто же не любит Деррида? Но ей требуется не меньше часа, чтобы прочесть один абзац, и к концу абзаца она никогда не помнит, что было в начале, и вдобавок ее страшно клонит в сон. Когда Джейн Остин изрекает что-то умное, все (или почти все) в состоянии это понять, даже после нескольких бокалов вина. Жаль, что с Деррида все обстоит иначе.

Но ближе к делу. С какой стати Олли рассказывает все это Брионии? Ее это пугает. Ее пугает он сам – его холодноватые глаза и нити серебра, мерцающие в волосах и щетине. И он, и Клем седеют, но обоим удается это делать с шиком. Даже перебравшись в Кентербери, они продолжают ездить к своему старому мастеру в Шордитч, и тот делает им рваные асимметричные стрижки, которые странным образом подчеркивают в их внешности не возраст, но мудрость и опыт. Бриония уверена, что Клем до сих пор каждый раз записывает Олли к парикмахеру. А может, еще и оплачивает его стрижки.

– Мне пора, – говорит она, глядя на часы.

– Я зайду выпить. Ты не хочешь?

– Не могу. Я бы с удовольствием, но ты же знаешь, дети...

– Пускай Джеймс разок уложит их спать вместо тебя.

Бриония хмурит брови. По правде говоря, Джеймс уже наверняка их уложил. Вообще, он укладывает их почти каждый вечер, потому что Брионии все время нужно что-нибудь

дочитать или написать отчет об оценке дома – или потому что она слишком много выпила.

– Он один не справится, – говорит она.

– Да? – Олли пожимает плечами. – Ну что ж, я все равно пойду и выпью.

– Где же тут в студенческом городке наливают в такой поздний час?

В баре темно, неуютно и безлюдно. Вся мебель – дешевая, липкая и с острыми углами: забреди сюда маленький ребенок, он через минуту напоролся бы на край стола и умер. На экране, который занимает почти всю стену, показывают футбол: Германия – Австралия. Германия, понятное дело, выигрывает, но Брионии с ее места этого не видно. Она не распознала бы немецкую команду, даже если бы футболисты вошли сейчас прямо в этот бар. Она смотрела все игры Англии в прошлогоднем чемпионате мира (да, в том числе и тот самый матч с Германией, когда мяч пересек линию ворот, но гол не был засчитан) и делала вид, что ей нравится, и даже усвоила правило офсайда, после того как Холли растолковала ей суть. Правда, теперь она, конечно, уже все забыла, но послушайте: *футбол?!* Иногда Бриония говорит Джеймсу, что ее пристрастие к моде сродни его пристрастию к футболу, и она вынуждена признать, что в этом есть нечто гендерное, а значит, совершенно необъяснимое. И в футболе, и в моде работают стройные схемы, для постижения которых необходимо определенное сочетание хромосом, но Джеймс все время подчеркивает, что на моду требуется гораздо больше времени и денег, а для увлечения футболом не нужно ничего, кроме подключения к каналу “Скай-спорт” или хорошего паба неподалеку.

Олли, не глядя на Брионию, протягивает ей большой бокал белого вина, а потом берет свою пинту индийского светлого, не глядя на стакан. Он смотрит на экран телевизора с тем же отсутствующим выражением, с каким на занятиях читает что-то у себя в телефоне. Бриония идет за ним к столику и краем глаза замечает на экране счет: один – ноль.

– Приятно видеть, что Австралия проигрывает, – говорит Олли.

Бриония бормочет в ответ что-то невразумительное – то ли “Хорошо”, то ли “Интересно”, а может даже, если внимательно прислушаться к интонации, “Мне вообще-то плевать”.

– Жаль, что немцы не играют в крикет, – говорит Олли.

– Ну тогда бы они, наверное, и тут обыграли Англию, – предполагает Бриония.

– Ты любишь спорт?

Бриония не знает, какое слово в этом вопросе главное: “ты”, “любишь” или “спорт”.

– Не особенно. Пожалуй, мне нравится теннис, но это только из-за Холли.

Она делает глоток вина. Оно приторное и слишком теплое. Дома в холодильнике стоит едва початая бутылка шабли 2001 года. Стоила фунтов тридцать, но это ведь сносная цена за бутылку вина, которое можно выпить дома, – в ресторане за эти же деньги нальют помой. Шабли дома прохладное и терпкое, разве что слегка отдает стогом сена поутру, не смейтесь, и, честно говоря, лошадиным навозом. Брионии нравятся вина с привкусом хлева или конюшни. Она весь день предвкушала это свое шабли. А теперь у нее в бокале 250 мл дерьмового пино-гри или вроде того, и нужно их одолеть, и голова чуть-чуть кружится от голода, она не ела с половины шестого. Какого черта она вообще заказала большой бокал белого, ведь оно теперь будет становиться все теплее и теплее! А ей еще вести машину. И не ляпнуть чего-нибудь глупого в их беседе.

– То есть ты мне больше не учитель, правильно? – спрашивает она Олли.

– Правильно, – говорит он. – И теперь мы можем переспать.

Что? Так-так. Бриония покраснела как помидор. Наверняка покраснела. Олли продолжает следить за матчем. Она тоже смотрит на экран. Кто-то в белой майке бьет по мячу и отправляет его вратарю. Изображение немного размыто. Бриония не понимает, какого черта футболисты бросают мяч собственному голкиперу, когда им нужно бить в противоположную сторону. Но... Вот кто-то свистит в свисток. Беготня прекращается. Конец первого тайма.

Олли смотрит на нее.

– Эм-м... Я пошутил. Извини.

– Да нет, все нормально. Я...

– Ну а что у тебя с диссертацией? Ты ведь будешь писать под моим руководством, да?

Спать со своим научным руководителем тоже нельзя. Ты уже подала заявку?

– Что?

– Я шучу, шучу.

– Знаю.

– И?

– Да. Я подала заявку онлайн, на выходных.

– А на стипендию?

Бриония хмурится:

– Да.

Олли делает глоток пива.

– Хорошо. Слушай, не хочу тебя обидеть, но, если подумать, она тебе точно нужна, эта стипендия?

– Что?

– Ну, ты уверена, что тебе она нужна больше, чем, например, Гранту? Его отец лишился ноги в несчастном случае на заводе, и завод отказывается выплачивать компенсацию. Или Хелен? Она выросла в рабочем районе в Херн Бэе, и директор школы однажды вынужден был купить ей пальто, потому что родители тратили все пособие по безработице на героин. Нет, ты не подумай, что я отговариваю или давлю на тебя, но... Ха-ха. А вообще, честно говоря, я тебя отговариваю... Ведь вы же нормально упакованные ребята – ты и Джеймс, верно?

Олли подает все это как очередную шутку. Даже напускает на себя немного иронической серьезности, когда говорит о Гранте и Хелен, чтобы Бриония понимала, что их истории – это всего лишь *истории*, а реальность – она на порядок сложнее и значительнее, чем всякая жалостливая ерунда. Вот только она прекрасно видит, что Олли все это всерьез...

– Ну вообще-то...

– И к тому же – не хочется сейчас об этом говорить, но уж что случилось, то случилось, никуда не денешься, – предстоит раздел наследства бабушки Олеандры. Во сколько оценивают ее дом? В миллион? Или в два? Плюс ее бизнес.

– Я думаю, она все завещала Августусу, – говорит Бриония.

Она уже вела этот разговор с Джеймсом. Да что с этими мужиками творится? Они что, не в состоянии просто поскорбеть несколько дней, а уж потом рассуждать о разделе имущества? Впрочем, если взглянуть правде в глаза, большую часть того, что Бриония получила в наследство от родителей, она потратила на одежду, вино, туфли и вещи для детей, и денег у них с Джеймсом теперь не так уж и много. Кое-что, конечно, есть. Однако Бриония вряд ли спустит девятьсот пятьдесят фунтов за десять минут, проведенных в “Фенвике”, на

тени для век и увлажняющий крем, как в тот жаркий странный день прошлым летом. Они не могут себе позволить жить, как Августус и Сесилия или как Беатрикс, – у этих водится недвижимость, ценные бумаги и Бог знает что еще. У Брионии и Джеймса достаточно денег, чтобы поехать на Рождество на Мальдивы (как того хочет Бриония), но маловато, чтобы купить лес в Литлборне (как хочет Джеймс). Если Брионии перепадет часть наследства Олеандры, она обещала купить Джеймсу этот его лес, потому что да, конечно, что может быть прекраснее в этом гребаном мире, чем проводить каждое лето в темном сыром лесу, собирая там ядовитые мухоморы, постоянно промокая до нитки и ПОДЫХАЯ. Даже если она не умрет, на бедрах у нее от постоянной сырости появятся опрелости – многим это кажется смешным, но на самом деле это совсем не смешно. Хотя кто знает, может, Джеймс наберет в лесу материал на книгу. А еще к тому моменту, когда им понадобится отправляться в лес, Бриония похудеет, и значит, опрелости не страшны. Она станет подобна лесной нимфе, будет одеваться в белоснежные паутинки, и...

– Что вы с Клем собираетесь делать со своей долей? В смысле, если эта доля будет, хотя лично я считаю, что нет.

– Возможно, я на время откуплюсь от университета, сделаю перерыв в преподавании и закончу книгу. А то здесь столько дел и суеты, просто черт знает что.

Олли допивает свой эль и продолжает:

– А Клем хочет вырыть пруд в саду. И снять о нем фильм.

Он смотрит на бокал Брионии.

– Тебе взять еще вина? Я пойду закажу себе еще.

Бриония мотает головой. Он встает и идет к барной стойке. Бриония хочет в туалет, но не может отойти, пока Олли покупает пиво. Он может подумать, что она обиделась и ушла – то ли из-за его предложения переспать, то ли из-за разговора про стипендию. И тогда он, пожалуй, тоже уйдет. Но разве это так уж страшно? Бриония тогда поедет домой и начнет вечер заново: выпьет шабли вместо этого пино-гри и будет любить Джеймса, как примерная жена. В этом бокале 165 калорий, но Бриония не станет вносить его в свой дневник диеты – вино так себе, да и вообще она не планировала его пить. Дома она выпьет 250 мл шабли и вот это уже внесет в дневник. Про пирожок с сосиской и жареную картошку, которые она съела сегодня в столовой перед занятием, тоже можно не писать, ведь, честно говоря, обычно она не ест ничего такого, и к тому же конец семестра уже не за горами – наверняка она больше и не заглянет в столовую, а где еще можно найти пирожок с сосиской и жареную картошку? К черту. Она просто-напросто не станет заполнять сегодня дневник диеты. Начнет лучше завтра с чистого листа. А это значит, что дома можно будет выпить всю бутылку шабли. И сейчас съесть пакетик чипсов. Решится ли она съесть пакетик чипсов на глазах у Олли? Нет. Или все-таки решится? Честно говоря, сейчас Брионии больше всего хочется выкурить сигарету, но это уж совсем ни в какие ворота. Она бросила курить окончательно и бесповоротно три с лишним года назад. В сигаретах, конечно, ноль калорий. Но Джеймс терпеть не может, когда она курит, и дети – тоже. В последний раз, когда Бриония курила, Холли плакала всю ночь и грозилась покончить с собой.

Олли возвращается с пинтой индийского и бокалом белого вина, поменьше прежнего.

– Вот, – говорит он. – Прости, что наговорил столько дерьма. Был тяжелый день.

175 мл. Еще 130 калорий. И когда дойдет дело до этого нового бокала, вино в нем будет уже теплым. То есть еще теплее, чем сейчас. Вот, что следовало бы сделать, нет, правда: дожидаться, пока Олли выйдет покурить, вылить куда-нибудь остатки из большого бокала и

начать второй бокал, он и поменьше, и похолоднее. Хорошо, но как это дело проверить? Можно, например, отдать первый бокал обратно бармену. Отдать и объяснить, что ей вообще-то не следует столько пить, ведь она за рулем, и не могли бы они, пожалуйста, вылить остатки вина, но так, чтобы тот человек, с которым она пришла, этого не увидел? А можно отдать им и сказать, что вино дерьмовое. Подойти к барной стойке и сказать: “Вино у вас такое дерьмовое, что даже студенты его пить не станут”, – ну или что-нибудь поумнее, она придумает. Но тогда они нальют ей чего-нибудь другого. Как же трудно терять вес, когда люди постоянно угощают тебя разными калорийными вещами. Олли принимается сворачивать сигарету.

– Слушай, – говорит Бриония. – Ты не скрутишь и мне одну?

На экране снова футбол. Невероятно, но Австралия забивает гол.

– Твою мать, – говорит он. – Пора покурить. Ты идешь?

Они курят возле университетского утиног пруда. Бриония борется с тошнотой, но вынуждена признать, что, когда первоначальное головокружение отступает, вкус у сигареты оказывается восхитительный. Она вдруг чувствует себя мягкой и нежной, почти как в тот раз, когда приготовила чай, перепутав банки в доме у Флёр. Она и забыла, как это бывает. К тому же она и весила меньше, когда курила. И как только ей в голову взбрело это бросить? Ведь курение – это как лучший друг, который всегда выслушает и никогда не осудит.

– Было бы здорово устроить во дворе садовый пруд, – говорит она. – Сейчас самое время, дети уже достаточно взрослые, но это ведь так дорого...

– Если получишь стипендию, сможешь позволить себе пруд.

– Да я не к тому, – вздыхает Бриония. – А впрочем, ладно, хорошо, о’кей. Я заберу свою заявку. Мне стипендия и в самом деле нужна не так сильно, как Гранту и Хелен. Ты прав. Но главное – они еще и учатся лучше, чем я. К чему мне хлопотать о стипендии и пытаться их обскакать?

Она снова вздыхает и глубже затягивается сигаретой.

Олли морщится:

– С чего ты взяла, что они учатся лучше тебя?

– Они охотнее говорят.

– Ты получила высший балл за эссе.

– Правда?

– Да. Так что тебе наверняка дадут стипендию. Но им она нужнее. Иначе они не смогут писать диссертацию: выходит, ты как бы лишишь их возможности получить степень. Ты-то, понятное дело, сможешь защититься и без стипендии.

– Пожалуй. Ну что ж, значит, обойдемся без пруда.

“И без леса”, – подумала Бриония. И добавила:

– Не страшно. Надеюсь, хотя бы вы свой выроете.

– В нашем никакие дети не утонут, – говорит Олли. – Никогда.

Он бросает окурок в пруд.

– И из-за этого жена меня теперь ненавидит. Ну, ты и сама все знаешь.

Бриония понятия не имеет, о чем он говорит.

– Я понятия не имею, о чем...

– Слушай, не обращай на меня внимания. Плету черт знает что. Извини. К черту. Пошли обратно.

Тем временем австралийцы забили еще один гол. Пенальти. Счет два-один.

– Ну что ж, – говорит Олли. – Чудеса случаются.

Он идет купить себе еще пиво.

Брионии давно пора было уйти. Она даже не послала Джеймсу смс – предупредить, что задержится. Почему она этого не сделала? Она ведь могла написать ему, пока Олли заказывал пиво или выходил покурить, если бы, конечно, не вышла покурить вместе с ним. Надо написать хотя бы сейчас. А дома придется почистить зубы, прежде чем с кем-нибудь здороваться. Так можно будет провести хотя бы детей, хотя Джеймс, конечно, на это не купится. Что бы она теперь ни сделала, он поймет, что она пила и курила. При таком раскладе она не успеет допить сегодня свое прекрасное шабли: Джеймс наверняка уже будет в постели с книжкой, а какая жена сидит и пьет вино, пока муж читает в кровати?

Она срочно набирает сообщение: “Отмечаем конец семестра. Не было связи, извини. Приеду, как только удастся вырваться. Люблю тебя”. Кто-то, возможно Флёр, недавно говорил Брионии, что есть такое приложение, которое само отправляет людям смс. В базу внесены шаблонные фразы, которые люди постоянно пишут друг другу: “Извини. Скоро увидимся. Уже выхожу. Я тебя люблю”. Наверное, это была Флёр. Да, точно, за чаем в воскресенье, когда они не разговаривали о смерти Олеандры и о том, как эту смерть переживает Флёр. Об этом приложении Флёр рассказала какая-то знаменитость, полагая, что она не одобрит такое новшество. Но для Флёр нет никакой разницы, выданы ли слова “Я тебя люблю” телефонным приложением или набраны пальцами отправителя, – текст, в конце концов, состоит всего лишь из слов. Бриония сама себе удивилась, сказав в ответ что-то о Деррида и о том, что он был не прав, утверждая, будто слова бессмысленны: как раз наоборот. Слова прокладывают границы между вещами. Создают значение. Без слов мы не видели бы разницы между столом и планетой. Да и существовало бы хоть что-нибудь, если бы не слова? Тогда Флёр, как ей и полагается, сказала, что между столом и планетой, в самом деле, нет никакой разницы и Вселенная – лишь иллюзия. Холли закатила глаза и сказала: “Ясно, вы обе – чокнутые, это диагноз”.

– Зачем ты говоришь, что Клем тебя ненавидит? – говорит она Олли, когда он возвращается. – Такого просто быть не может. Ты ведь симпатичный – и это совершенно объективно, не подумай, – и книга у тебя выйдет потрясающая, и...

Бриония касается плеча Олли, чтобы приободрить его. Она не так часто касается плеч мужчин, во всяком случае, в последнее время. Удивительно, до чего твердое у Олли плечо. У него невероятные бицепсы: ну просто камни, размером с теннисный мяч. Разум Брионии пускается кружить по бесконечному эллипсу, а стенки влагалища немедленно начинают выделять жидкость. Биологию ничего не стоит затащить в постель.

– Может, она даже сама не подозревает, – говорит он, – но в глубине души ненавидит меня.

– Нет. Этого не может быть. Ей так с тобой повезло.

– Не знаю, – говорит он со вздохом. Возможно, он прав. Это Брионии повезло с Джеймсом. Он уже прислал ответ: “Не спеши. Повеселись от души. Дети спят. Осторожнее на дороге. Люблю тебя безумно”.

Когда Олли приходит домой, Клем спит. Или притворяется, что спит: пусть почувствует себя виноватым, что вернулся так поздно. А может, и то, и другое одновременно. Он справляет большую нужду в гостевом туалете и тоже ложится. Правила игры такие: он ведет себя **ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ** тихо, чтобы не потревожить ее, ведь она **ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ** по-настоящему

спит. Она раскалывается первой:

– Привет.

И он ее в самом деле любит. Вот в чем штука. Обожает ее.

– Привет.

– У тебя что, кто-то есть? – спрашивает Клем, зевая. – Может, мне надо чаще брить ноги? Или еще что-нибудь не так? Только, пожалуйста, не говори, что это студентка.

– Нет, нет. Ты вне конкуренции. У меня был романтический вечер с Жиронией.

Так он называет Брионию. Откуда взялось это прозвище? Ну, ритмически и фонетически “Жирония” и “Бриония” очень похожи, одинаковое количество слогов, и ударение в обоих словах падает на второй слог, ну а главное, это прозвище метонимично, потому что Бриония – жирная, и в прозвище это отражено. Впрочем, столь глубокий анализ и не нужен. Клем и без того знает, кого он имеет в виду, и к его обычаю придумывать прозвища относится спокойно – сама в этом не участвует, но и его не осуждает. Наверное, она по-прежнему считает, что, выдумывая прозвища, Олли смеется, скорее, над самим собой и своими поэтическими способностями, чем над человеком, которому придумывает новое имя. И, признаться, прозвища у него, и правда, получаются так себе. Если уж Клем придумает что-нибудь, то обязательно в самую точку. А у Олли прозвища выходят странные. Под стать его идеям для будущей книги.

– Боже, мне ведь нужно позвонить Брионии по поводу четверга, – спохватывается Клем, перевернувшись на спину. – Как прошло занятие?

– Хреново.

Олли замечает на желтом деревянном кресле Клем, которое стоит на ее половине комнаты, аккуратно сложенный к завтрашнему утру пакет “Рыба навсегда” с вещами для бассейна. Эта аккуратность – нарочитая, чтобы его позлить, как и вообще вся аккуратность в доме. Желтое деревянное кресло на его половине комнаты пусто. Пусто оно из-за того, что их уборщица, Элисон, настаивает, чтобы все вещи были убраны с глаз долой. Все, что остается на виду, она выбрасывает, прячет или заталкивает в первый попавшийся шкаф или на ближайшую полку. Олли оглядывает комнату и обнаруживает, что его вчерашние спортивные шорты висят на вешалке в гардеробе. Это идиотизм, потому что, во-первых, ну кто вешает шорты на вешалку? А во-вторых, они же воняют. Олли пожаловался бы Клем, но она наверняка только лениво скажет что-нибудь вроде: он уже не ребенок и мог бы сам бросать свои шорты в корзину с грязным бельем, если ему хочется, чтобы их постирали, а не убирали в шкаф. Бдительная Элисон определила вещам в этом доме лишь две участи: их либо стирают, либо убирают. Отчитывать Олли Клем никогда не стесняется, а вот Элисон она ни на что не станет пенять. Да и вообще Клем никогда никому не рассказывает о вещах, которые ее всерьез волнуют. Вот почему Олли украдкой читает ее дневник. А поскольку Клем знает, что он читает ее дневник, то никогда не изливает там свои истинные чувства (иногда доходит даже до вранья, например принимается писать о том, что она БЕЗУМНО его любит).

Но даже если половина ее дневника – полнейшая брехня, Олли все равно видит ее насквозь. Он знает, что Клем искренне желает ему успеха (конечно, не такого большого, какого желает себе самой, но достаточного для того, чтобы перестать его стесняться). Ни книги от него не дождешься, ни нормальной спермы... Олли представляет себе Клем в бассейне – красная резиновая шапочка, бирюзовые плавательные очки. Эта ее шапочка... Он представляет себе, как занимается с ней любовью, а на ней эта ее резиновая шапочка и закрытый бирюзово-белый купальник марки “Спидо”. Он бы сдвинул в сторону низ

купальника, словно они оба – подростки, и, может, прижал бы Клем к дереву... Он сделал бы так, чтобы она ему отсосала, прямо так, не снимая шапочки, и потом он кончил бы ей на голову. Олли идет пописать перед тем, как лечь спать, и эрекция опадает. Что же это такое, даже сексуальные фантазии ему не удаются? Он думает, не рассказать ли об этом Клем, и представляет себе, как она наконец-то смеется в ответ и спрашивает, с чего бы это ей прислоняться к дереву в купальнике, и объясняет, где и что у него пошло не так. *Вся проблема в этой плавательной шапочке...* Но ведь она резиновая, правильно? Конечно, у мужчин резина вызывает именно такие ассоциации. Но кончать мне на голову? Это как-то, ну, как-то чудно, тебе не кажется? Особенно когда ты бесплоден. Ну кому захочется, чтобы ему на голову вылили лужу мертвой спермы?

Клем зевает и раскидывается под одеялом морской звездой.

– Так чего это ты вдруг пошел выпивать с Брионией?

– Я отговорил ее бороться за стипендию. Это оказалось совсем несложно, и...

– Тебе не кажется, что это не вполне этично?

– Нет, если по цене одного аспиранта я получу целых двоих. А может, и троих, если удастся уговорить Гранта и Хелен поделить стипендию пополам. Если у меня будет трое аспирантов, меня наверняка повысят, и тогда у меня появится уйма свободного времени, чтобы...

– Как можно поделить стипендию пополам?

– За восемнадцатый век дают что-то около двадцати пяти тысяч в год. На эти деньги можно позволить себе двойную оплату занятий и жилья, и еще останется немного на то, чтобы время от времени покупать заварную лапшу или брать иногда лимонад в пабе. Начнут потихоньку преподавать. С голоду не умрут. Ты же понимаешь, что эти...

– Послушай, но разве идея стипендии не заключается в том, чтобы студент получил по-настоящему хорошие условия для учебы в аспирантуре? Ведь именно этого хотела Эстер. Разве не об этом говорил ее муж, когда...

Олли закатывает глаза:

– Круто, когда ты уже умер, правда? Умер и командуешь оттуда, как и что мы должны...

– Что за хрень ты мелешь? – говорит Клем, наматывая на палец прядь волос, и в этом ее вопросе и ленивой улыбке опять есть что-то такое – и Олли не в силах разозлиться. Это как если тебя царапает красавица-кошка и ты не можешь всерьез на нее сердиться. Правда, на кошку Клем совсем не похожа. Она, скорее, русалка. Прекрасная и смертельно опасная штучка, которая живет в море, улыбается, поет... Наматывает прядь волос себе на палец... Да кто вообще делает такое, когда назревает настоящая, добротная ссора и можно не понарошку друг на друга поорать, поплакать и все такое прочее?

– Это никакая не хрень.

Из-за Клем он даже этих слов не может произнести тем тоном, каким хотел бы, и в итоге они звучат подобно фразе с аудиокассеты для медитации. Олли снимает туфли, хотя вообще-то их следовало снять еще внизу. Бросает носки на деревянный пол, а трусы-боксеры – на желтое кресло. Он втягивает живот, прежде чем расстегнуть пуговицы на желтой рубашке, которую ему купила Клем. Рубашку он бросает в корзину с грязным бельем, но не в ту, в которую надо (одна корзина у них – для тонкого белья, которое может стирать только Клем, и рубашка стоимостью 189,99 фунта наверняка относится к этой категории, а другая – для всех остальных вещей, которые не являются тонким бельем, и значит, их может стирать Элисон, она все без разбору стирает в бережном режиме, игнорируя указания на

этикетках). Олли складывает джинсы и вешает их на спинку стула, но они выглядят здесь как-то не к селу, и он решает повесить их в шкаф. Потом Олли кладет носки и трусы в корзину для нетонкого белья и перекладывает желтую рубашку в правильную корзину. Какого черта жизнь так сложно устроена?

– Ну все равно, разве ее муж не говорил о том, что, согласно завещанию, аспирант должен иметь возможность писать диссертацию, не подрабатывая официантом на роликах – или какими там еще странными затеями Эстер пыталась прокормиться?

– Каталась на роликах топлес, торговала телом за...

– Да пошел ты, – со вздохом произносит Клем. – Опять порешишь какую-то хренову пургу.

– Ну она ведь...

– Еще и года не прошло, как она умерла. Мы с ней дружили. Неужели нужно любую историю превратить в...

– Ну хорошо, хорошо. Теперь ты, наверное, скажешь, что и с Олеандрой вы были не разлей вода.

– Олли...

– Что?

– Да иди ты на хрен, с тобой сегодня невозможно разговаривать.

Конечно, она посылает его на хрен, а не в пизду, потому что ее пизда работает исправно, а вот его хрен – нет. Точнее, хрен-то его работает в тех редких случаях, когда ему предоставляется такая возможность, но вот яйца его – бессмысленный комок, и поэтому...

– Почему во всем вечно виноват я?

– Я не знаю, почему во всем вечно виноват ты!

– Ага, то есть ты утверждаешь, что...

– Я, пожалуй, буду спать дальше.

– Понятно, то есть ты не хочешь даже...

– Спокойной ночи.

Ну вот как ей это удастся? Она просто поворачивается к нему спиной и засыпает. Раз – и все. Как тюлень или кто-нибудь подобный: перекачивается на другой бок или сползает в воду с травянистого берега – или откуда там сползают в воду тюлени. Клем даже не жалуется на то, что завтра рано вставать, ведь она же РАБОТАЕТ В ЛОНДОНЕ, а ЖИВУТ ОНИ В КЕНТЕРБЕРИ. А сейчас вообще-то довольно поздно. 23:15, а она любит засыпать в половине одиннадцатого. Неужели спор можно проиграть просто потому, что ты не набрал достаточного числа очков? А может, если один из спорящих уснул посреди поединка, это следует засчитать как выход из игры, и победа осталась за тем, кто бодрствует?

По заднему двору “Дома Намасте” бродит потерянная поп-звезда. Это не Пол Маккартни – похоже, он все-таки не смог приехать. Всего лишь Скай Тернер, которой далеко до славы Маккартни, однако ее песня сейчас на достойном седьмом месте в списке сорока лучших хитов, составленном на основе запросов в *iTunes* и *Spotify* (на Ютьюбе она, правда, пока не очень раскручена, надо над этим работать). Скай не просто потеряна, она совсем заблудилась и не знает, куда все подевались, а вокруг – белый сад, который вообще-то пока еще не совсем белый. Она бывала в этом доме миллион раз, но никогда не заходила дальше оранжереи, а тем более сюда, на задний двор. Олеандра умерла. С полчаса назад Скай увидела медную скульптуру лошади, которую ей хотелось бы купить. Место, где стояла лошадь, называлось “Луг с цветами”, хотя цветы на нем еще не расцвели. Интересно,

продается ли она? Пока не спросишь, не узнаешь. Но теперь Скай никак не может ее найти. Сначала скульптура ее до смерти напугала: наполовину лошадь, наполовину – скелет. Но потом захотелось ее купить. Да, купить, но лошадь словно сквозь землю провалилась. И Олеандра, как назло, умерла.

По ком плакала Скай сегодня утром на похоронах? По Олеандре? Но Олеандра была уже немолода и перед смертью не страдала от боли, да к тому же верила в реинкарнацию и стремилась к ней, так что, как ни крути, смерть ее вполне устраивала. А может, Скай оплакивала себя саму и все, что потеряла? Конечно, есть еще Флёр, Флёр никуда не делась, но... Скай вздыхает. Олеандра была ее мистической студией звукозаписи, и все, что Скай у нее записала, теперь потеряно. Сожжено. Стерто.

Она входит в старую деревянную дверь и оказывается в садике, обнесенном стеной.

В центре сада – каменный постамент, а на нем – еще одна медная скульптура: жаба. Перед скульптурой стоит поросшая мхом скамейка, а на ней сидит зарянка. Зарянка бросает рыться в мохе и принимается разглядывать Скай. Высушенные коробочки прошлогоднего мака (даже Скай в состоянии распознать мак) разбросаны вокруг, подобно выцветшим декорациям давнишней вечеринки. А из грунта там и тут проглядывают зеленые ростки. Все растет, несмотря на холод. Тонко пахнет ромашкой. Скай снова оглядывается, и вот она уже не потеряна: перед ней коттедж Флёр, будто сошедший с книжной страницы, – с большими окнами, похожими на сонные глаза, и огромной печальной дверью. Вьюн-борода ползет по стенам, будто по щекам зеленого человека. А вот и Чарли Гарднер, внучатый племянник Олеандры, топчется на пороге. Худой, угловатый, чем-то напоминает волшебника. Молодого волшебника из плеяды черных магов; едва он увидит ее, погонится за ней по дремучему лесу, и там она упадет, и тогда... Скай пятится к белому саду, за ней порхает зарянка, она поет, и в песне проступает рисунок одной знакомой мелодии, но не может быть, чтобы...

Угораздило же поп-звезду забрести в сад на задворках Англии, в сонный средневековый городок, который давным-давно был шумным портом, но потом море здесь сморщилось, как женщина без любви, и скукожилось до мелкой речушки с крошечными лодочками, камышницами и поросшими криптумом берегами. Можно прилететь сюда на вертолете, как сделали ребята из “Битлз” сто лет назад. Приземлиться на маленьком аэродроме в нескольких милях отсюда. Но более прозаичный вариант – поезд с пересадкой плюс такси. Ехать целую вечность. На карте кажется, будто Сэндвич – совсем рядом с Лондоном. Это же Кент, черт возьми, графство, которое буквально врастает в Лондон, вот же оно, прямо тут. Но на дорогу сюда Скай тратит столько же времени, сколько на дорогу к родителям в Девон, а до Девона от Лондона – почти пять графств, если изучить маршрут поезда. Отсюда до дома ее родителей в Девоне – примерно семь часов. И где-то посередине – Грег.

А теперь вот Олеандра умерла.

Скай идет дальше, через перелесок и затем наискосок – к тропинке пошире, которая тянется между двумя рядами деревьев. Отсюда хорошо виден “Дом Намасте”: большой, старый, красный, он кажется мудрее, чем понурый коттедж по соседству. Высокая белая дверь с лесенкой полумесяцем. Справа – оранжерея. Всякие клумбы, грядки, парники, старые медные солнечные часы. В этой части сада повсюду цветы. Скай не знает названий большинства из них, но летом одни станут нежными и пурпурными, другие – хрупкими красными, третьи – дрожащими голубыми, четвертые – такими, которые карабкаются вверх, не подумав, как потом будут спускаться. Сбоку к дому прильнуло растение с крупными бутонами (возможно, клематис). А внутри, она хорошо знает, сразу за белой дверью кружит

слабый запах хлорки от бассейна и слышен гул генератора, или что там еще у них гудит, чтобы работали сауна и парилка. И повсюду расставлены бледные керамические кувшины с лимонадом – щелочным, очищающим. На обед подают карри. Пирог из цельнозерновой муки. А дальше, через библиотеку и по ступенькам, – там всегда была она. Олеандра, одетая во что-нибудь чудное: платье, усеянное звездами и планетами, или серебристый костюм космонавта, и всегда от нее веяло нежным и глубоким теплом, как от целебного напитка, который пьешь, когда по-настоящему худо, а уж Скай-то, точно, было по-настоящему худо, когда она пришла сюда в первый раз...

И вот теперь Олеандра умерла.

На пороге домика Флёр пахнет лапсанг сушонгом, черным кардамоном и розами, примерно так же пахнет и сама Флёр, но ее запах – это слои за слоями разнообразных ароматов, каждый – все более диковинный, все более изысканный. С тех пор как духи “Живанши III” сняли с производства из-за запрета на использование дубового мха, она стала пользоваться „31 Rue Cambon” от Шанель. Она и сама такая – чуть-чуть перечная, чуть-чуть древесная... Она сама – концентрированный шипр. Глубокая, зеленая, волшебная – таким откроется тебе берег далекого озера. Таким будет то, что позволит тебе... нет, подтолкнет тебя ко всему, чего ты только... А сразу за порогом – там, где витают предобеденные запахи шоколада, фруктов и свежесмолотых специй, – Чарли слышит чей-то плач: возможно, это Бриония. Его сестра Клем никогда не плачет. А потом раздается голос Флёр:

– Я подумала, что нужно сообщить тебе как можно раньше.

– Да нет, конечно, я очень рада за тебя. Но почему?

– Ну, я думаю... Конечно, мне немного неловко.

– Но ведь, положи руку на сердце, наши мужья действительно захотели бы его продать.

– Джеймс мечтает о своем чертовом лесе.

– Олли и сам не знает, о чем мечтает. И о чем мечтаю я. Но вот о деньгах он мечтает точно.

– Видимо, вот и ответ на вопрос – почему.

Итак, Флёр унаследовала “Дом Намасте”. Ну что ж. Значит, Олеандра знала. Наверняка знала, что Флёр – дочь Августуса. Но почему бы ей не оставить доли наследства кому-нибудь еще? Чарли представляет, как Флёр закусывает губу так, как закусывает ее только она одна, пытаюсь объяснить, придумать, как сообщить самым старым своим друзьям, что отныне она сказочно богата, а они – нет, а не наоборот, как ожидалось. Но ведь они должны ценить то, что почти пятнадцать лет она работала здесь бесплатно, полагаясь на свою странную, кроткую интуицию, чтобы оградить Олеандру от опасности банкротства. И... ну, в самом деле, черт возьми, неужели можно было этого не замечать? Ведь семейное сходство настолько очевидно, что даже неловко. Точнее, стало бы очевидно, если бы кому-нибудь пришло в голову приглядеться. Они с Чарли похожи, как близнецы, потерянные в далеких джунглях лет двадцать назад и обнаруженные там прижавшимися друг к другу. В джунглях или, может, в универмаге “Хэрродс”. Так или иначе, если оставить близнецов одних – вдвоем – на такой долгий срок, то они, наверное, неизбежно... Да и потом, они уже давно не вместе, а все остальные так поглощены собой, что никто, пожалуй, никогда ничего не заметит и не узнает. От этой мысли Чарли не по себе, больно как-то, у него в голове не укладывается...

– Ты хочешь сказать, потому что Олли такой идиот?

– Нет! Ну конечно же, нет! Наверное, я смогу все здесь сохранить, как было, – стану заботиться о Кетки и Ише, о Блюбелл и Пророке, никогда их не брошу. Олеандра знала, что на меня можно положиться. Она учила меня столько лет – да каких там лет, всю жизнь. Я ни за что не продам “Дом Намасте”, ведь забота о нем – единственное, что я умею делать.

– Но она не говорила тебе, что планирует...

– Нет. Ну, во всяком случае, прямым текстом не говорила. Ты же ее знаешь. Но и о том, что она всем нам даст по стручку с семенами, она мне тоже не говорила. И о том, что Куинн оставил дневник. И еще этот потрясающий охотничий домик на Джуре. Я понятия не имела, что у нас – у нее – он вообще есть. Вам с Чарли нужно решить, как этим всем распорядиться. Ведь домик, наверное, тоже стоит кучу денег, да? С виду он даже больше, чем “Намасте”. Представляю, как вам там понравится! Так что в конечном итоге все мы в выигрыше, хотя, конечно, нельзя такого говорить, ведь понятно же, что вместо наследства все мы предпочли бы, чтобы нам вернули Олеандру... Но все-таки странно, что она...

Да, странно, думает Чарли. Но Олеандра наверняка знала. Знала все об Августусе и Розе и об их дочери, которую они утаили. Никто не счел странным, что Олеандра оставила Флёр жить у себя, когда мать девочки пропала без вести. Флёр ведь тут выросла. Куда же еще ей было идти? И где бы еще Олеандра нашла преподавателя йоги, которому не нужно платить? Но теперь-то понятно, почему она вешала на Флёр столько дел и обязанностей. И королевский подарок в виде коттеджа во дворе “Дома Намасте” при таком раскладе тоже ничуть не удивляет. Она, видимо, с самого начала знала, что Флёр – член их семьи, что в ее жилах течет кровь Гарднеров. Но оставить ей весь “Дом Намасте”, весь бизнес? Это же черт знает что такое! Чарли, конечно же, рад за Флёр, но что скажут Беатрикс и Августус? И на кой им – молодому поколению, тем, кто остался тут куковать, – эти стручки, полные семян? Что она хотела этим сказать? Пойдите и убейте себя об стену? Может быть, в дневнике Куинна найдется объяснение? Но, если Олеандра знала что-то важное, зачем же было скрывать все это больше двадцати лет? Клем уже спросила разрешения прочитать дневник, и Бриония пожалала плечами и сказала: да, разумеется, но она хотела бы прочитать его первой, ведь, в конце концов, Куинн был ее отцом. Так что, по правде говоря, Бриония ответила “нет”. Что же до охотничьего домика на Джуре, которым они с Клем и Брионией отныне владеют и который Флёр пытается описать так, будто он еще лучше и восхитительнее, чем “Намасте”, – никто понятия не имеет, откуда он вообще взялся. Они уже решили, что в июле поедут на него взглянуть. До острова лететь на двух самолетах, он находится посреди архипелага Внутренние Гебриды (если, конечно, такие вообще существуют на свете), к западу от Шотландии. А тут еще (не было печали!) на похоронах объявилась эта странная женщина, Ина, с Внешних Гебридов... Она уже и раньше толковала про ладанное дерево, а теперь...

Голос Флёр давно умолк. Повисла долгая пауза, которая оборвалась от строгого звона английского фарфора: кто-то ударил по нему ложечкой – похоже, чересчур сильно.

– Тебе, наверное, теперь придется получить какой-то диплом? Ну, в смысле, если ты будешь руководить здесь терапией, йогой и вообще всем.

– Бриония!

– Ну, она ведь часто об этом говорила. И я сама с огромным удовольствием вернулась в университет. Просто я подумала...

Чарли толкает дверь и с порога кричит: “Привет!” – пусть услышат, что он идет, и думают, будто он пришел только что, а не подслушивал их разговор последние десять минут.

Его кеды “Вэнс” бесшумно ступают по черно-белой викторианской плитке, которой выложен пол в прихожей у Флёр. На похороны он надевал костюм, но уже успел съездить к Брионии и переодеться в свои любимые выцветшие вельветовые штаны “Акне”, белую футболку и желтую кофту от Александра Маккуина.

– Ты похож на старика, – сказала Холли, увидев его в этом наряде.

Тогда он попробовал блейзер “Акне” – запасной вариант, но слишком уж он хорошо сочетался со штанами.

– А теперь ты похож на человека, который отоварился в “Дебенхэмс”, – вынесла приговор Холли. – А если точнее, на старика, который не вылезает из “Дебенхэмс” и даже обедает там гороховым пюре с мясной подливкой.

Вообще-то она права, Чарли сам это видел. Но, вероятно, лишь после одиннадцати лет человек начинает понимать, что мода – это не только и не столько отличный вид. В одиннадцать от тебя ускользает, почему взрослым не хочется постоянно быть счастливыми и почему они не щеголяют целыми днями в лучших своих нарядах, не пьют один только фруктовый сок, не объедаются шоколадом и не тратят все деньги на щенят, котят, настольные игры, пикники, походы в кино и поездки в ослиные питомники. Чарли подозревает, что, будь Холли в ответе за семейный бюджет, она включила бы в расходы еще и теннисный корт. И букеты цветов. Он вдруг представляет себе, как она стоит с огромным (чуть ли не больше ее самой) букетом бледно-розовых пионов, на дворе начало лета, и солнечные лучи играют в ее темных-претемных волосах.

Женщины сидят в гостиной справа. Чарли делает глубокий вдох, как всегда, когда входит в эту комнату, словно хочет напитаться здешними запахами – натертого мастикой дубового пола, обоев “Сандерсон” с магнолиями цвета яичной скорлупы и бронзы, старинных диванов, которые Флёр сама заново обила, подобрав разные редкие ткани из магазина “Либерти”, все – с растительными и немного загадочными узорами; высокой вазы с вербой на столике, похожем на аптекарский. Флёр сидит в кресле-качалке, обитом тканью с темно-розовыми и багряными существами, в которых, если постараться, можно угадать цветы. Клем и Бриония устроились на одном из двух диванов Джорджа Уолтона, более розовом. К своему удовольствию на столике перед ними Чарли видит чайный сервиз “Золотая птица” фабрики “Веджвуд”, который купил Флёр на тридцатилетие. Сам он, разумеется, по-прежнему носит подвеску с лабрадором, которую она сделала для него много лет назад. С прошлого июля, после того спора о Пи, они многие месяцы почти не разговаривали, но, конечно, сегодня, на похоронах, уже виделись – правда, стояли на разных концах длинной вереницы людей. А теперь – вот он.

– Привет, – отвечает Флёр. – Я бы предложила тебе чаю, но через полчаса начнутся коктейли, когда приедут все остальные, так что, если ты продержишься без чая...

Как же удивительно пахнет этот ее лапсанг сушонг. Но...

– Продержусь. Тебе чем-нибудь помочь?

– Вообще-то да, – отвечает Флёр. – Пойдем, поможешь мне нарвать мяты.

Утро после похорон Олеандры выдалось морозное. Когда просыпается Робин, перья у него в крыльях смерзлись и сверкают, ему приходится долго встряхиваться, чтобы их расправить, – о полете Робин пока даже и не думает. Подобравшись к большой каменной купальне для птиц, он обнаруживает, что воды внутри нет, только кусок льда – не попить и не выкупаться. Хотя бы в кормушке что-то лежит – правда, не личинки и не червяки. Робину

нравятся слоеные пирожки, а копченый лосось – не нравится, он пахнет огнем и опасностью. Норману Джею тоже не нравится копченый лосось, а безымянный дрозд и вовсе не подлетит к кормушке, если там такое. Лосося приходится съедать приносящей беду сороке^[22], которая заявляется ближе к обеду, а если она не прилетит, рыба достается жирному голубю или его дружку.

Склевав несколько маковых зерен и остатки розового миндального пирожного, Робин летит к другой купальне, на ступеньках, ведущих в дом, там теплее. Он медленно пьет, потом умывается, его потускневшее оперение говорит о том, что он не хочет рутины, которая вот-вот снова начнется, – не хочет искать себе пару, вить гнездо, добывать пищу для птенцов. Он устал: приближается его восьмая весна. Через окно в спальне он видит, как вьет гнездо Флёр. Она часто гнездится. Но никогда не откладывает яиц. Этот человек у нее в гнезде все перевернул вверх дном. Это он заставил Флёр положить в кормушку огнеопасную рыбу? А остальные разноцветные пирожные тоже он съел? Из-за него она вскрикивала в ночи? Она теперь часто так. Но в эту ночь Робин ничего не слышал: возможно, это другой человек, из-за него Флёр молчит. У него перья, как у дрозда, и он не был в гнезде у Флёр уже много лет. Робину вдруг хочется побыть одному, он взлетает на самую верхушку падуба, набирает в легкие побольше воздуха и заводит самую неистовую из своих песен. Если попытаться приблизительно перевести ее на человеческий язык, она – о твердых клювах (как в обычном птичьем, так и в эротическом смысле). Он вельми дивий, но он же и рамено зельний.

Флёр не спит. Но Флёр и не бодрствует. Она все думает о гостье из Шотландии и ее словах. Гостья сказала, что утром отдаст Флёр какую-то вещь, а ведь утро почти настало. Сказала, у нее есть кое-что от Олеандры – кое-что такое, что Олеандра, пока была жива, не смогла сама отдать Флёр. Флёр слышит, как далеко-далеко поет ее зарянка. Эта женщина (ее зовут Ина, наверняка сокращенный вариант какого-то длинного имени, хорошо бы не имени Нина, по понятным причинам) прибыла на похороны со своей фермы на острове Льюис, который относится к Внешним Гебридам. Пару раз в год Олеандра покупала себе билет на ночной поезд и отправлялась в загадочное “шотландское путешествие”. Но никогда не рассказывала, с кем она там встречалась и чем занималась. Флёр представляла Олеандру в Эдинбурге: вот она обходит этакой мисс Джин Броди^[23] все замки и твидовые магазины, а потом встречается с печальными и неприкаянными знаменитостями в гостиничных номерах “люкс” или в особняках, выходящих окнами на залив Ферт-оф-Форт. Флёр ошибалась.

На похоронах Ина рассказывала о том, как они с Олеандрой познакомились: в 1968 году на каком-то фестивале Олеандра провела импровизированный мастер-класс с демонстрацией фильма в формате “супер 8” о жизни в древесном пне. Все участники фестиваля (бородатые парни на кислоте, их дети и жены, которые в обычные дни, не на фестивале, еще готовили своим мужьям “пятичасовой чай” и которых мужья еще называли “любовь моя”) собрались, чтобы посмотреть дрыгающуюся пленку – мелкие грызуны в старом пне сражались за обрезки сыра, фруктов и прочих угощений, которые кидали им люди. Олеандра стояла перед экраном, а за ее спиной мыши, полевки и даже случайный горноста́й отчаянно бились за каждую крошку, брошенную на пень, и в конце концов она произнесла, обращаясь к зрителям:

– Это вы. Это вы, когда девушка, которую вы любите, спит с другим мужчиной. Когда мать снова и снова напоминает, что вам пора найти работу. Когда ушлый тип в метро советует вам подстричься. Это вы, когда лучшая подруга покупает платье, о котором вы

мечтали. Это вы, когда нужно оплатить парковку, а у вас ни одной монеты в пятьдесят пенсов. Это жесточенность, сидящая глубоко внутри вас. Жесточенность наполняет ваше сознание и отдаляет вас от брата или сестры, возводит между вами стену. Возможно, она не выйдет за пределы вашего сознания. Да, большинство из нас никогда не проявят жестокость в форме действия. Но разум ваш жесточен, мысли пропитаны гневом, и в уме вы по тысяче раз на дню убиваете людей. Выдираете им глаза своими мелкими коготками и ненавидите, ненавидите, ненавидите.

Пи ворочается рядом с Флёр. Они договорились, что он уйдет пораньше: ему надо вернуться в Лондон и отвести Нину на балет. Жена Пи, Камала, больше известная как Кам, сама могла бы отвести Нину, но она записана к парикмахеру. Стрижка, сушка феном и, вероятно, мелированные пряди по всей голове, словно кому-то есть дело до того, как выглядят волосы Кам. Итак, ради балетного урока и стрижки с укладкой Флёр придется самой приводить дом в порядок, самой скорбеть и плакать, самой себе заваривать чай и приносить самой себе сухие носовые платки. Она выяснит, что собирается отдать ей Ина, а потом даже некому будет об этом рассказать. Почему, почему, *ну почему* даже в этот день, когда Пи по-настоящему нужен Флёр, он не мог просто взять и попросить жену перенести стрижку на другое число и самой отвезти их чертову дочь на ее чертов балет?

И что, Нина не может вызвать такси? Или поехать на метро? Ей четырнадцать гребаных лет! Хотя, если в этом возрасте человек еще не способен свыкнуться с мыслью о расставании или разводе, он, наверное, и до балетной школы сам не в состоянии добратся. Бедная тупая Нина. Когда Флёр было пятнадцать лет, она одна полетела в Бомбей. Там она познакомилась с Пи, привезла его с собой в Англию и сделала для него книгу английских поговорок, чтобы ему проще было освоиться в чужой стране. Как жаль, что их самолет тогда не разбился, – тогда ничего этого не произошло бы и все были бы намного счастливее. Если бы Пи сейчас умер, Флёр была бы свободна. Правда, она не смогла бы даже побывать у него на похоронах. А ведь он, черт возьми, ее ЛЮБОВНИК. Тайный, конечно. Флёр думает о мышах в том пне. Ну да, именно так она и поступает с Пи. Выковыривает ему глаза своими коготками. Он-то с ней, по меньшей мере, честен. Если только не считать того случая, когда он обещал уйти от Кам; в ту пору Сай, их старшая дочь, отправилась перед университетом в годовое путешествие. Обещания Пи оказались пустыми словами, он осознал, что на самом-то деле сможет уйти от Кам, только когда Нина поступит в университет, а этого ждать, извините, ЧЕТЫРЕ ГОДА. Сможет ли Флёр терпеть еще четыре года? Она вздыхает. Она не уверена, что сможет терпеть все это еще четыре года. Или хотя бы четыре секунды.

Он стирает все ее сообщения, да и вообще просит, чтобы она их не присылала. Он рвет все ее поздравления с днем рождения, и глупые смешные открытки вроде “Счастливого понедельника!”, и записочки, которые Флёр вкладывает в баночки с чайным сбором, составленным ею специально для него. Когда она спросила Пи – почему, он спросил, а что делала бы она на его месте. Что делала бы она? Ну, во-первых, она ушла бы от нелюбимого человека в ту же секунду, когда поняла, что любит другого. А во-вторых, она арендовала бы огнестойкий сейф или прекрасную уединенную комнатку, где хранила бы все, что присылает ей возлюбленный. Возможно, в этой комнатке она могла бы сидеть и размышлять. Это было бы что-то вроде храма ее любви. Будь у Пи такая комната, он держал бы там телефон, на который она присылала бы ему сообщения в любое время дня и ночи. Правда, сам он, конечно же, не заглядывал бы в ту комнату, потому что постоянно возил бы Нину в школу (это происходит каждое утро по будням), а потом он работал бы в своем кабинете дома, и

Кам иногда заскакивала бы домой в обеденный перерыв. ПОЧЕМУ он не может просто взять и снять офис где-нибудь в Лондоне и хотя бы там оставаться иногда наедине с собой – неразрешимая загадка. Ну, хорошо, ладно, не такая уж неразрешимая, ведь офис в Лондоне стоит целое состояние, а у Пи пока вышел только один успешный роман, да и то – больше десяти лет назад. И роман этот был, по сути, про “Дом Намасте” (который теперь принадлежит Флёр, это такое странное чувство) и про вещи, которым научила его Флёр, про все, что дала ему именно она, – А ЕЙ-ТО ЧТО ВЗАМЕН? Он даже не упомянул ее имени в списке людей, которым выражал благодарность в конце книги. А это ведь такой естественный жест, учитывая, что она в самом деле очень помогла ему с книгой, к тому же они выросли вместе, и все такое прочее. Но Пи сказал: раз уж он не может поставить ее имя первым и посвятить книгу ей (он посвятил ее своим умершим родителям), тогда лучше не упоминать ее вовсе. Впрочем, в те времена загвоздка была в его дяде и тете, и еще в Сай, а потом внезапно появилась Нина, хотя он вроде как уже давно не занимался сексом с Кам. Да, неожиданная Нина, еще восемнадцать лет ада. Но теперь-то Флёр знает, что Пи никогда не уйдет от Кам. Она же не дура.

Даже похороны Олеандры пришлось подстраивать под расписание Кам и Нины. Интересно, как бы им это понравилось, если бы они узнали? Похороны обязательно нужно было назначить на четверг или пятницу, поскольку Пи приезжает в “Дом Намасте” почти каждые выходные – проведать дядю и тетю, поработать над книгой и, конечно, заодно трахнуть Флёр (ему нравится делать это жестко, в темноте, сзади, когда она еще не совсем готова). Если бы похороны выпали на вторник или среду, бедняге Пи пришлось бы ПЕРЕРВАТЬ РАБОТУ и приехать в Кент дважды за одну неделю. А это было бы, конечно, неблагоприятно. Интересно, что, по мнению Кам, он делает тут каждые выходные? Возможно, ее это не волнует. Они с Ниной теперь все выходные проводят с ее родителями. И для любовницы это, разумеется, очень удачный расклад. Все выходные – твои! Флёр должна быть благодарна. Но она не испытывает никакой благодарности. Пи вообще, по правде говоря, начинает ее бесить. Пора с ним расстаться. Когда он проснется, надо сказать ему...

Он кладет руку ей на бедро и затаскивает Флёр обратно под одеяло.

– Ты удивительная, – доносится до нее.

– Правда? – спрашивает она.

Электронный дисплей “Орал Би Триумф СмартГид”, заправляющего чисткой зубов Олли (да, такая вещь существует, это кусок пластмассы, который висит на стене на Оллиной половине ванной), недавно сошел с ума. В него вселились демоны или кто-то вроде того, честное слово. Это теперь дисплей-зомби. В прошлом месяце, а может, даже в позапрошлом, у машинки сели батарейки. Ясное дело, батарейки на точно таком же “СмартГиде” у Клем не сели, а она-то уж точно чистит зубы больше, чем Олли. Но так сложилось. Батарейки у Олли сели, и он неделю за неделей чистил зубы без всякого “СмартГида”, дисплей оставался черным, мертвым, в отключке, никаким, и он стоял и думал, что надо бы попросить у Клем новых батареек, но все время забывал об этом, едва заканчивал чистить зубы. Но потом, с неделю назад, дисплей вдруг начал мигать и через несколько дней внезапно ожил. В нормальных обстоятельствах, ну, то есть когда у него хорошо заряжены батарейки, “СмартГид” отводит по тридцать секунд на каждую четверть рта и следит за тем, чтобы были почищены все четыре, после чего демонстрирует счастливый смайлик и четыре звездочки. А может продемонстрировать даже пять, и есть еще ямочка на счастливом

смайлике, которая зажигается, если ты выбрал режим “интенсив”, но у кого есть на это время? – или же рисует огорченный смайлик и красный восклицательный знак, если жмешь щеткой на зубы чересчур сильно. А во время бездействия, когда никто не чистит зубы, дисплей работает обыкновенными электронными часами.

Теперь, когда мертвая батарейка вдруг ожила, “СмартГид” выделяет черт знает что. Например, проводит воображаемые чистки зубов на безумной скорости. Вы прижимаете щетку чересчур сильно! Нет, не прижимаете! А теперь снова прижимаете! Теперь вы почистили три четверти зубов, но прошло всего ДВЕ СЕКУНДЫ от начала чистки. Погодите-ка, нет, вы не почистили ни одной четверти. А теперь вы **ЧИСТИТЕ ЗУБЫ ЗАДОМ НАПЕРЕД!** Грустный смайлик. А теперь – веселый! ☺ ☺ ☺ Смайлик веселый, но и красный восклицательный знак тоже горит!! ☺!! На часах 07:17. А теперь – 13:09. Теперь “СмартГид” снова огорчен. На часах – 12:23; 14:34; 06:14. И так далее. Зомби “СмартГид” занимается разработкой сценариев воображаемой чистки зубов в режиме путешествий во времени с куда большим рвением, чем при жизни, когда следил за рутинной чисткой зубов. Зомби-дисплей пашет с утра до ночи. В последнее время он стал частенько демонстрировать, как на часах 07:16 переходит в 07:17. Почему время 07:17 так важно для “СмартГида”? Возможно, это момент его рождения? Или, наоборот, то мгновение, когда он умрет? Интересно, выбор значков на дисплее хаотичен (в математическом смысле слова) или рандомен (в том смысле, какой вкладывают в это слово студенты)? Ну и вообще, может, он пытается что-то Олли сказать?

[Купить полную версию книги](#)

notes

Ницше Ф. *Рождение трагедии из духа музыки*. Пер. Г. А. Рачинского. (Здесь и далее прим. перев.)

Блейк У. “Ах, Подсолнух!..” Пер. Д. Смирнова-Садовского.

Бриония, или переступень – род растений семейства тыквенных.

От франц. *fleur* – цветок.

Фамилия Гарднер (англ. *Gardener*) переводится как “садовник”. Клем – сокращенный вариант имени Клематис. В ботанике клематис (русское название – ломонос) – растение семейства лютиковых.

Имя Холли (англ. *Holly*) в переводе означает “падуб”, цветковое вечнозеленое дерево или кустарник.

От англ. *plum* – слива.

От англ. *ash* – ясень.

От англ. *rowan* – рябина.

Имеется в виду название сорта роз.

А это – сорт груши, который называется “вильямс”.

Джекфрут – другое название индийского хлебного дерева.

AbeBooks.com – британский онлайн-магазин подержанных и редких книг.

Далеки – персонажи-мутанты из британского фантастического сериала “Доктор Кто”.

Панир – индийский вид сыра.

“Джемми Доджерс” (англ. “*Jammie Dodgers*”) – популярная у британских детей и взрослых марка песочного печенья с серединкой из вишневого или малинового мармелада.

Проект “Эдем” – ботанический сад в графстве Корнуолл в Великобритании.

“Арчеры” – самая старая британская мыльная опера, которая транслируется на радио “Би-би-си” с 1950 года.

ОНД – Оценка Научной Деятельности (англ. *Research Excellence Framework*), которая проводится в высших учебных заведениях Великобритании.

Thé pétales (фр.) – чай с цветочными лепестками.

Остин Д. *Нортенгерское аббатство*. Цит. в перев. И. С. Маршака.

Согласно английским суевериям, сорока приносит несчастья.

Джин Броди – героиня известного британского романа (и еще более известного фильма, поставленного по его сюжету) “Расцвет мисс Джин Броди” Мюриэл Сары Спарк; действие разворачивается в Эдинбурге 1930-х годов.